„РОДНАЯ РѢЧЬ“

ВВ 262
С 967

№ 73.

Ник. Сухановъ.

Происхожденіе міровой войны.

СССР
ИНСТИТУТ
Ц. Г. К.

Цѣна 12 коп.

Изданіе Т-ва „Родная Рѣчь“
Москва
1916.

„Родная Рѣчь“

1. Л. Толстой, Три смерти — Чѣмъ люди живы . . . . 6 к.
2. И. Тургеневъ, Бѣжинъ лугъ — Бирюкъ . . . . . 6 к.
3. В. Короленко, Чудная — Пріемышъ. — Огоньки. . . 6 к.
4. Г. Успенскій, Неизлѣчимый . . . . . 8 к.
5. А. Чеховъ, Унтеръ Пришибеевъ и др. разсказы . . . 6 к.
7. И. Бѣлоконскій, Деревенская конспирація. — „На второмъ путѣ“—„Подлый, хитрый народъ“. . . . . 6 к.
8. М. Горькій, Проходимецъ — Легенда о Марко. . . . 6 к.
9. С. Мечъ, Германія . . . . . 8 к.
10. Скиталецъ, Полевой судъ . . . . . 3 к.
11. И. Тургеневъ, Муму — Деревня . . . . . 6 к.
12. С. Князьковъ, 19-е Февраля 1861 года . . . . . 6 к.
13. М. Арцыбашевъ, Кровавое пятно . . . . . 6 к.
14. А. Орловскій, Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи. . 6 к.
15. М. Горькій, Пѣсня о Соколѣ — Пѣсня о Буревѣстникѣ 3 к.
16. А. Заринъ, День за днемъ . . . . . 6 к.
17. И. Бѣлоконскій, Случайно не разстрѣлянный — По рубрикамъ — Первая „бомба“ . . . . . 6 к.
18. В. Ключевскій, Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ . . . . . 8 к.
19. С. Знаменскій, Основныя задачи въ области образованія . . . . . 6 к.
20. М. Кабановъ, Англійская политика „равновѣсія“. . . 6 к.
21. В. Короленко, Лѣсъ шумитъ . . . . . 6 к.
22. А. Шингаревъ, Земская и городская Россія. . . . . 6 к.
23. А. Купринъ, Дознаніе — Бредъ . . . . . 6 к.
24. Ф. Артемьевъ, Въ царствѣ стали . . . . . 6 к.
25. И. Крыловъ, Сорокъ басенъ . . . . . 6 к.
26. Е. Угени, Англичане въ Индіи . . . . . 6 к.
27. И. Бѣлоконскій, Страшное мѣсто — Страховна — Властители. . . . . 6 к.
28. С. Елпатьевскій, Ницца—П. Рыссъ, Парижскіе силуэты 8 к.
29. С. Подьячевъ, Разладъ . . . . . 8 к.
30. И. Никитинъ, Избранныя стихотворенія . . . . . 8 к.
31. Э. Льенъ, Очерки французской культуры . . . . . 8 к.
32. М. Горькій, Емельянъ Пиляй — Дѣло съ застежками — „Выводъ“ . . . . . 6 к.
33. С. Князьковъ, Голодъ въ древней Россіи. . . . . 6 к.
34. В. Вересаевъ, Въ сухомъ туманѣ — Къ спѣху — Объ одномъ городѣ . . . . . 6 к.
35. М. Кабановъ, Германская интеллигенція и война . . 6 к.
36. А. Кизеветтеръ, Протопопъ Аввакумъ . . . . . 6 к.
37. И. Бунинъ, Черноземъ . . . . . 3 к.
38. Е. Угени, Объ англичанахъ. . . . . 8 к.
39. В. Ключевскій, Значеніе Преподобнаго Сергія для русскаго народа и государства. . . . . 3 к.
40. И. Тургеневъ, Ася. . . . . 8 к.
41. А. Орловскій, Реформа городского управленія въ Пруссіи . . . . . 6 к.
42. В. Дмитріева, Непримиримые . . . . . 8 к.
43. И. Ястро, Богатство Англіи и его источники . . . . 6 к.
44. А. Чеховъ, Дочь Альбіона и др. разсказы . . . . . 6 к.
45. С. Ефремовъ, Изъ общественной жизни на Украинѣ . 8 к
46. Г. Успенскій, Будка . . . . . 6 к

ВВ 262
С 967

СФ
30120

БИБЛИОТЕКА
при ЦК ВЛКСМ

1069914

Ник. Сухановъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ МІРОВОЙ ВОЙНЫ.

I.

Русская публицистика о происхожденіи войны.

Съ первыхъ же недѣль войны началась теоретическая работа надъ выясненіемъ причинъ и цѣлей невиданнаго въ исторіи международнаго столкновенія. Градомъ посыпались статьи, сборники, монографіи, стремившіяся — каждая на свой ладъ — освѣтить вопросы: для чего мы воюемъ, каково происхожденіе войны, кто ея виновники, и каковы будутъ ея послѣдствія.

Посмотримъ же, что дала до сихъ поръ наша серьезная публицистика для выясненія причинъ и историческаго происхожденія войны. При этомъ мы сразу и рѣшительно отбросили всю словесную „юридическую надстройку“, всѣ формальные поводы и предлоги, весь ходъ дипломатическихъ сношеній, обмѣнъ нотами и телеграммами, закулисныя и демонстративныя заявленія. Все это могло бы послужить точнымъ описаніемъ условій возникновенія войны; въ лучшемъ случаѣ это могло бы указать перваго „зачинщика“ катастрофы, того „героя“, который „бросилъ спичку въ пороховой погребъ“. Но вѣдь ясно, что все это не имѣетъ ни малѣйшаго значенія

при серьезномъ углубленіи въ историческій смыслъ событій. Не отъ копеечной же свѣчки, въ самомъ дѣлѣ, сгорѣла Москва.

* * *

...„Въ вопросѣ о томъ, чѣмъ вызвана нынѣшняя война, не можетъ быть и рѣчи о существенномъ значеніи факторовъ субъективныхъ и случайныхъ. Она является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ закономѣрнаго развитія мірового хозяйства и неизбѣжнымъ результатомъ экономическихъ противорѣчій и національныхъ антагонизмовъ, заключающихся въ современномъ міровомъ хозяйствѣ. Вотъ почему основныя и главныя причины — экономическія причины". Такъ пишетъ г. В. А. Мукосѣевъ, авторъ одной изъ наиболѣе обстоятельныхъ русскихъ работъ о причинахъ войны.

Попытаемся же теперь разсмотрѣть, во-первыхъ, какія именно стороны, черты, свойства современныхъ экономическихъ отношеній послужили источникомъ политическаго столкновенія; а во-вторыхъ, какія именно націи-государства могли считать для себя войну наименьшимъ зломъ и раціональнымъ средствомъ при достиженіи желательныхъ нормъ экономическихъ взаимоотношеній. Въ чемъ сущность національныхъ экономическихъ антагонизмовъ и для кого именно было выгодно купить извѣстныя національно-экономическія блага цѣной невиданной въ исторіи войны? При этомъ надо замѣтить, что война есть, безспорно, чрезвычайное, крайнее средство; это наивысшая цѣна, какую только можетъ уплатить нація-государство за желательныя блага; слѣдовательно, среди воюющихъ государствъ неизбѣжно имѣются такія, для которыхъ методъ войны является не только раціональнымъ, но и е д и н с т в е н н ы м ъ способомъ обезпечить для нихъ необходимыя нормы бытія...

Сущность современныхъ экономическихъ антагонизмовъ между націями-государствами, въ двухъ словахъ и въ грубыхъ чертахъ, сводится къ слѣдующему. Капитализмъ, возникшій на почвѣ „переворота въ средствахъ производства“, на почвѣ революціи въ области техники, по существу своему никогда не замыкался въ національно-государственныхъ рамкахъ. Онъ всегда стремился расширить свой рынокъ, не взирая на государственныя перегородки, и всегда добивался этого политическими средствами—въ частности, вооруженной рукой. Уже сто лѣтъ тому назадъ въ этихъ цѣляхъ проливалъ рѣки крови вѣрный слуга молодой французской буржуазіи, Наполеонъ. Въ тѣхъ же цѣляхъ, подъ давленіемъ нашего зачаточнаго полу-дворянскаго капитализма, предпринимала наша государственная власть свои турецкіе и персидскіе походы въ николаевскую эпоху. Успѣхъ этихъ войнъ сулилъ огромныя выгоды и пышное процвѣтаніе капиталистической промышленности.

Но прошелъ рядъ десятилѣтій, и для европейскаго капитализма наступилъ иной періодъ. Міровой рынокъ, захватъ все новыхъ и новыхъ „сферъ вліянія“ сталъ для капитализма передовыхъ странъ уже не вопросомъ выгодъ и сказочныхъ барышей, а вопросомъ жизни, вопросомъ дальнѣйшаго „здороваго“ существованія. Нынѣ мы, какъ извѣстно, живемъ въ новой фазѣ капитализма, — въ эпоху чрезвычайнаго развитія капиталистическихъ монопольныхъ организацій, картелей, синдикатовъ, за которыми стоятъ банковые концерны, превращающіе свой денежный капиталъ въ промышленный. Для современной высшей стадіи капитализма характерны именно трестированная промышленность и питающій ее финансовый капиталъ, ея фактическій собственникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой высшей стадіи капиталистическаго развитія, ни одна передовая страна уже

безусловно не можетъ поглотить тѣхъ огромныхъ массъ капитала, которыя накоплены въ ней. Безъ внѣшнихъ рынковъ, денежныхъ и товарныхъ, весь хозяйственный механизмъ странъ передового капитализма немедленно пришелъ бы въ негодность: вся жизнь такой націи-государства — или немедленно пришла бы въ крайній упадокъ на почвѣ своего рода остраго малокровія, или была бы, среди „великихъ потрясеній", преобразована на совершенно новыхъ основаніяхъ, характерныхъ не для капитализма, а для иного общественнаго строя. Внѣшній рынокъ — совершенно необходимая атмосфера современнаго капитализма. А потому политика, свойственная самой природѣ финансоваго капитала, есть и м п е р і а л и з м ъ... Расширеніе хозяйственной территоріи, т.-е. пріобрѣтеніе новыхъ земель и колоній, даетъ національному капитализму сырье, товарные рынки и новыя сферы его приложенія; включеніе этихъ земель въ таможенный союзъ вытѣсняетъ иностранную конкуренцію и создаетъ ту же „благопріятную обстановку", какую послушная государственная власть уже создала на родинѣ.

Отъ конкуренціи національныхъ капиталовъ до вооруженнаго столкновенія государствъ еще очень далеко. Для конфликта имперіализмовъ необходимо, чтобы свободное „хозяйственное расширеніе" было уже невозможно; чтобы запасъ новыхъ земель и рынковъ экспорта былъ уже исчерпанъ; чтобы дальнѣйшее развитіе національныхъ имперіализмовъ могло уже происходить только за счетъ себѣ подобныхъ. — Такъ ли это въ дѣйствительности?

До 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія стремленіе молодого европейскаго капитализма къ колоніальнымъ захватамъ и „подчиненіямъ" отсталыхъ странъ проявлялось довольно слабо. Очень медленно колонизовались африканскія побережья и дальневосточные острова. Сравнительно вяло и робко наступалъ

капитализмъ Европы на Ближній Востокъ, на Японію, Китай и другія внѣевропейскія области. Еще было достаточно простора для размежеванія и „свободной торговли“ съ экзотическими странами. — Съ 80-хъ годовъ въ колоніальной политикѣ произошелъ крутой переломъ. Началась захватная горячка, и въ нѣсколько лѣтъ между странами „старой культуры“ были подѣлены огромныя территоріи, цѣлыя страны и континенты. Къ этому времени завоевательная политика въ предѣлахъ самой Европы уже стала почти невозможной. А между тѣмъ потребность въ расширеніи хозяйственной территоріи стала давать себя знать съ небывалой до того остротой. И немудрено, что въ началѣ XX столѣтія мы видимъ уже весь міръ захваченнымъ и размежеваннымъ. „Свободныхъ“ земель и странъ нынѣ уже нѣтъ. И расширеніе хозяйственной территоріи теперь дѣйствительно возможно только за счетъ другого государства. — О распредѣленіи колоній между европейскими странами даютъ понятіе слѣдующія цифры:

	Территорія (въ англ. миляхъ) метрополіи:	колоніи:	Во сколько разъ колоніи обширнѣе метрополіи:
Англія	121.633	11.307.415	$94_{,2}$
Бельгія	11.343	909.654	$80_{,2}$
Голландія	12.648	736.400	$58_{,2}$
Франція	207.054	4.986.543	$24_{,2}$
Португалія	35 490	820.952	$23_{,3}$
Испанія	110.550	591.230	$5_{,3}$
Германія	208.780	1.028.820	$4_{,9}$

Когда Германія вступила на путь колоніальной политики, львиная доля колоніальнаго фонда была уже подѣлена между болѣе старыми націями-государствами. И мы видимъ, что изъ всѣхъ не только первоклассныхъ, но и вообще изъ „колоніальныхъ“ странъ она является наиболѣе обдѣленной заморскими землями. Другія передовыя націи успѣли составить „имперіи“, территорія которыхъ въ десятки разъ превышаетъ площадь самой

родины захватывающаго капитала. Только за періодъ съ 1885 по 1900 г. Англія пріобрѣла земельную площадь въ 4 милл. кв. километровъ съ населеніемъ въ 60 милл. душъ—т.-е. пространство въ 20 разъ превышающее всю Францію съ ея 39-милліоннымъ населеніемъ.—Какъ бы то ни было, нынѣ весь земной шаръ уже „цивилизованъ“ и состоитъ изъ „сферъ вліянія“ той или иной первоклассной европейской державы. Національнымъ „финансовымъ капиталамъ“ дальше расширяться и двигаться некуда — кромѣ какъ другъ на друга. При такихъ условіяхъ „экономическія противорѣчія и національные антагонизмы“ неизбѣжно должны были вызвать вооруженный конфликтъ: національнымъ группамъ капиталистовъ не оставалось ничего иного, какъ политическими средствами, вооруженной силой, расширять или защищать свою монополію или свободу конкуренціи на своей или на чужой территоріи. Сдержать или направить въ иныя русла эти стремленія національнаго капитала могли только иныя соціальныя силы внутри каждой страны. Этихъ силъ не хватило, и катастрофа разразилась.

Однако, и это все еще не объясненіе. Пойдемъ еще дальше. Взглянемъ на отдѣльные національные интересы.—Для какихъ именно національно-капиталистическихъ группъ война являлась раціональнымъ и „послѣднимъ“ средствомъ? И стремились ли эти группы „расширить“ или „защитить“? И шло ли для нихъ дѣло о монополіи или о равноправіи? И касалось ли это движеніе собственныхъ „сферъ вліянія“ или вытѣсненія изъ чужихъ?

* *
*

Міровая катастрофа началась тогда, когда германское правительство объявило войну Россіи... Но мы знаемъ, что этотъ формальный актъ не имѣетъ

существеннаго значенія и можетъ быть совершенно не характернымъ ни для происхожденія, ни для сущности мірового конфликта. Въ самомъ дѣлѣ, Германія объявила войну Россіи; но своимъ главнымъ врагомъ она съ самаго начала считала Англію, съ которой война началась значительно позже. Почему же отвѣтственность, вопреки внѣшнему ходу событій, взваливается на Англію, а не на Россію? Общеевропейская катастрофа возникла отъ столкновенія интересовъ національныхъ группъ, принадлежащихъ къ первоклассным странамъ высокаго капитализма. Каковы бы ни были противорѣчія интересовъ всѣхъ воюющихъ націй, каковы бы ни были, въ частности, наши экономическіе антагонизмы съ Германіей, какія бы выгоды ни сулила ей побѣда надъ Россіей, — все же, согласно предыдущему, узелъ и центръ конфликта мы должны искать не въ столкновеніи высоко развитой Германіи съ молодой и отсталой Россіей: мы должны искать его въ столкновеніи конкурирующихъ элементовъ передового запада — германскаго „міра“ съ англо-саксонскимъ въ лицѣ Великобританіи и съ романскимъ — въ лицѣ Франціи.

Такое толкованіе сущности конфликта довольно популярно въ нашей серьезной литературѣ. Интересы другихъ національныхъ группъ и, въ частности, Россіи обыкновенно оцѣниваются, какъ факторы второстепенные и производные. Изъ экономическаго подъема Германіи, — пишетъ г. Мукосѣевъ, — „неизбѣжно вытекалъ конфликтъ интересовъ между Германіей, съ одной стороны, и Англіей и Франціей, съ другой“; конфликтъ этотъ „не могъ быть разрѣшенъ мирнымъ путемъ и, какъ извѣстно, за послѣдніе годы неоднократно ставилъ Европу на край войны“; при этомъ онъ еще „осложнялся тяжкимъ соперничествомъ на Балканахъ между Австріей, союзникомъ Германіи, и Россіей, которая опиралась на финансовые рынки Франціи

и Англіи"... „Центръ тяжести нынѣшней міровой войны,—утверждаетъ другой видный экономистъ, г. Финъ-Енотаевскій,—слѣдуетъ искать именно въ антагонизмѣ интересовъ Англіи и Германіи. Этотъ антагонизмъ обострилъ до крайности и отношенія Австро-Венгріи къ Сербіи и Россіи, что и привело къ войнѣ. Столкновеніе же интересовъ Англіи и Германіи имѣетъ основу въ развитіи современнаго высокаго капитализма"...

Какая же именно сторона была заинтересована въ разрѣшеніи экономическихъ противорѣчій методомъ войны? И какихъ именно конкретныхъ цѣлей стремится достигнуть оружіемъ виновная сторона?

Въ Германіи, какъ мы знаемъ, заинтересованной въ войнѣ стороной всѣ считаютъ Англію. Но и въ нашей публицистикѣ какъ будто не существуетъ двухъ мнѣній на этотъ счетъ: нападающей стороной является Германія...

Чего же однако добивался національный капиталъ Германіи огнемъ и мечомъ?—Естественно, что въ этомъ вопросѣ мысль экономистовъ шла по линіи наименьшаго сопротивленія: экономическій подъемъ Германіи требовалъ расширенія хозяйственной территоріи; между тѣмъ Германія обдѣлена колоніямн и принуждена довольствоваться жалкими объѣдками сосѣдей; слѣдовательно, Германія стремится силой оружія отнять хоть часть необъятныхъ колоній Англіи и Франціи. „Разбить въ Европѣ, чтобы взять въ Африкѣ". „Чрезвычайный экономическій ростъ Германіи, — пишетъ г. Мукосѣевъ,—фатально поставилъ передъ нею полную опасности и въ то же время полную жизненности проблему колоніальнаго расширенія. Однако, въ силу сложившихся условій мірового хозяйства, разрѣшеніе этой проблемы колоніальнаго расширенія Германіи должно было неизбѣжно вызвать великую войну"...

Дѣйствительно, первыя политическія столкновенія между великими западными государствами происходили

изъ-за африканскихъ областей. Согласно мадридскому договору, въ Марокко было объявлено равноправіе интересовъ европейскихъ національностей. Однако, въ 1904 году Франція, по соглашенію съ Англіей, объявила надъ Марокко свой протекторатъ; на алжезирасской конференціи дѣло кончилось компромиссомъ. Въ 1909 году произошелъ новый конфликтъ между тѣми же странами на той же почвѣ, а въ 1911 г. — снова. Но совершенно ясно, что конфликтъ, „высокихъ капитализмовъ“ не исчерпывался ихъ борьбой за африканскія колоніи.

Для Германіи было необходимо расширить хозяйственную территорію. Этимъ и объясняется знаменитый „Drang nach Osten“ (движеніе на востокъ), имѣющій два развѣтвленія. Одно изъ нихъ, черезъ Балканы, Малую Азію и Месопотамію, — къ дальне-восточнымъ и индійскому рынкамъ.

Совершенно ясно, насколько это противорѣчитъ интересамъ англійскаго капитала. Допустить Германію къ свободному южному океану, открыть ей ближнюю монопольную дорогу въ Китай, рѣшиться на рискованную пробу индійской лояльности — этого не могла допустить „владычица морей“. Но не въ меньшей степени германскіе восточные планы нарушали исконные интересы Франціи. Чтобы уяснить себѣ, чѣмъ грозили французскому имперіализму перспективы, связанныя съ Багдадской дорогой, достаточно будетъ указать на брошюру „La Syrie Française“ (Французская Сирія) графа Крессати, который такъ излагаетъ французскую „точку зрѣнія“ на эту часть азіатской Турціи: „Отъ Карла Великаго до нашихъ дней Франція всегда разсматривала Сирію, какъ свое моральное достояніе, и охраняла сирійскій народъ своимъ материнскимъ покровительствомъ... Сирія имѣетъ громадное значеніе для Франціи... Франція имѣетъ тамъ 769 километровъ рельсоваго пути, ей принадлежитъ трамвай

между Бейрутомъ и Мальмезомъ. Она имѣетъ концессію на Райакъ-Лидія... Франціей построена дорога Бейрутъ-Дамаскъ, она имѣетъ въ Сиріи шелковыя фабрики, химическіе заводы и владѣетъ значительными земельными участками... Словомъ, съ точки зрѣнія промышленной и финансовой она занимаетъ въ Сиріи первое мѣсто"...

Но не только на Дальнемъ Востокѣ, въ Индіи и въ азіатской Турціи нарушались англо-французскіе интересы при устремленіи германскаго капитала къ Персидскому заливу. Вѣдь путь туда лежитъ черезъ Балканы, гдѣ помѣщено не меньше 4 милліардовъ одного только французскаго капитала. А кромѣ того здѣсь Германія, а еще больше союзница ея Австрія, сталкивалась съ новымъ конкурентомъ — съ Россіей. „Конфликтъ между Австріей и Россіей, — по мнѣнію г. Мукосѣева, — такъ же не могъ быть разрѣшенъ мирнымъ путемъ, какъ и конфликтъ франко-англійской коалиціи съ Германіей". Германія и Австрія столкнулись на Балканахъ не только со странами высокаго капитализма, но и съ молодымъ капитализмомъ могущественной восточной державы.

Таковы условія и таковы послѣдствія германскаго Drang nach Osten по юго-восточному направленію. Но нужда въ расширеніи хозяйственной территоріи заставляетъ германскій имперіализмъ не въ меньшей степени устремляться и прямо на востокъ, на россійскіе рынки. Здѣсь Германія имѣетъ дѣло съ Россіей уже какъ съ объектомъ имперіализма. Но, во-первыхъ, на этой почвѣ она сталкивается съ тѣми же Англіей и Франціей: эти страны кровно заинтересованы въ томъ, чтобы необъятная Россія была объектомъ приложенія ихъ собственнаго, а не германскаго капитала, мѣстомъ ихъ собственнаго, а не германскаго промышленнаго экспорта. А во-вторыхъ, молодой капитализмъ Россіи вовсе не хочетъ быть объектомъ

и, естественно, противопоставляетъ наступательнымъ планамъ Германіи всю наличную силу.

Такимъ образомъ мнѣніе, господствующее въ нашей наиболѣе серьезной литературѣ относительно „виновной стороны“ и ея „движущихъ силъ“, можно было резюмировать словами П. Н. Милюкова: — „Германія явилась послѣдней въ семью великихъ европейскихъ державъ и во что бы то ни стало хотѣла измѣнить въ свою пользу отношенія, сложившіяся до нея. На языкѣ германскихъ націоналистовъ это значило — заявить претензію на ‚мѣсто подъ солнцемъ‘. Такъ какъ всѣ лучшія мѣста были заняты, то этотъ лозунгъ равнялся приглашенію по адресу сосѣдей—потѣсниться, чтобы дать мѣсто пришельцу“.

Иными словами: экономическій ростъ великихъ передовыхъ странъ, вступившихъ въ стадію финансоваго капитала и монопольныхъ промышленныхъ организацій, требовалъ чрезвычайнаго расширенія хозяйственной территоріи для приложенія національнаго капитала и промышленнаго экспорта; въ противоположность первокласснымъ странамъ болѣе старой культуры, Англіи и Франціи,—болѣе молодой, но не менѣе сильный германскій капиталъ уже не имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно свободныхъ территорій въ странахъ первобытной культуры и незанятыхъ „сферъ вліянія“ въ отсталыхъ государствахъ, служащихъ объектомъ имперіализма для передовыхъ странъ; германскій „національный“ капиталъ могъ расширять поле своего господства только за счетъ областей, уже закрѣпленныхъ за собой капиталомъ другихъ націй; при такихъ условіяхъ германскому капиталу было необходимо „открыть“ для себя чужія области или же отнять ихъ у другихъ націй — политическимъ принужденіемъ, т.-е. военной силой; поэтому, германская государственная власть, послушная національному капиталу, въ союзѣ съ Австро-Венгріей, имѣющей свои мѣстные интересы, объявила войну странамъ тройственнаго согласія.

* *
*

Таково, я бы сказалъ, „послѣднее слово“ о причинахъ войны, которое можно формулировать на основаніи полуторагодовой работы нашей передовой публицистики... Конечно, такого рода объясненію никакъ нельзя отказать въ стремленіи „смотрѣть въ корень“. Но и нельзя сказать, что оно дѣйствительно обнажило передъ нами корни явленія, что въ немъ все ясно и безспорно. Думается, что какъ разъ посреди объясненія зіяетъ огромный и крайне важный пробѣлъ, который необходимо заполнить, чтобы объясненіе это не потерпѣло самаго серьезнаго ущерба. Пробѣлъ этотъ, примѣнительно къ Германіи, какъ главному дѣйствующему лицу и иниціатору, зіяетъ какъ разъ между экономическими предпосылками и военно-политическими выводами.

Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что германскій капиталъ, на его современной соціальной основѣ, не можетъ существовать безъ расширенія поля своего господства; несомнѣнно и то, что добиваться этого господства онъ можетъ только за счетъ странъ согласія. Но этого еще не достаточно для вывода, что данное „положеніе обязываетъ“ его къ военно-политическому отвоеванію условій для своего роста и процвѣтанія. Для такого вывода необходимо установить, что безъ нѣкоего новаго политическаго соотношенія силъ, которое Германія стремится установить въ результатѣ войны, ея національный капиталъ не въ состояніи безболѣзненно жить и развиваться. Спора быть не можетъ: Германіи чрезвычайно выгодно это новое соотношеніе, и она къ нему стремится всѣми силами, всѣми раціональными средствами. Но было ли для нея раціонально примѣненіе крайняго средства, т.-е. могло ли для нея достиженіе новаго желаннаго порядка вещей окупить современную

войну — этого еще не видно изъ предыдущаго. Это было бы несомнѣнно въ томъ случаѣ, если бы современный, до-военный порядокъ обрекалъ германское каниталистическое развитіе на регрессъ или на состояніе застоя. Такъ ли это?

Намъ необходимо взглянуть, каково же дѣйствительное экономическое движеніе Германіи въ ряду другихъ странъ. Очень многое намъ могутъ дать уже простыя свѣдѣнія о производствѣ главнѣйшихъ продуктовъ. Приводимъ нѣсколько цифръ.

Добыто угля (милл. тонъ):

	въ 1886 г.	въ 1911 г.	Увеличеніе въ %
Англія	160,0	276,2	72,5
Франція	19,9	39,2	97,5
Соед. Штаты	103,1	450,2	336,6
Германія	73,7	234,5	218,1

Произведено чугуна (въ тыс. тонн.):

	въ 1887 г.	въ 1911 г.	
Англія	7.681	10.033	30,5
Франція	1.568	4.411	281,5
Соед. Штаты	6.520	29.028	368,5
Германія	4.024	15.574	387,0

Произведено стали (тыс. тонн.):

	въ 1886 г.	въ 1910 г.	
Англія	2.403	6.107	154,1
Франція	428	3.380	692,9
Соед. Штаты	2.604	26.512	910,8
Германія	954	13.699	1.335,0

Если мы примемъ во вниманіе, что за тотъ же періодъ населеніе Германіи увеличилось на одну треть, то прогрессъ въ области производства мы должны будемъ признать чрезвычайнымъ. Приведенныя цифры, которыя можно было бы увеличить аналогичными свѣдѣніями о прогрессѣ другихъ отраслей, въ сущности, уже рѣшаютъ для насъ главную часть вопроса. Германскій капитализмъ развивается блестяще и процвѣтаетъ, какъ никакой другой. Существующія

внѣшнія условія ему въ этомъ не мѣшаютъ; установленіе новаго соотношенія силъ хотя и несомнѣнно выгодно для него и крайне желательно, но не является для него жизненной необходимостью. — Однако, пойдемъ немного дальше.

За счетъ чего развивается германскій промышленный капитализмъ? Кто потребляетъ его продукты? — Конечно, бо́льшая часть ихъ остается на огромномъ внутреннемъ рынкѣ Германіи; но вотъ данныя объ ея внѣшней торговлѣ (милліоны марокъ):

	1887 г.	1912 г.	Увеличеніе въ %
Привозъ	3.109	11.572	272,4
Вывозъ	2.938	8.957	205,8

Мы видимъ и здѣсь колоссальный ростъ. Однѣхъ машинъ Германія вывезла на 605 милл. марокъ (Англія въ тотъ же годъ приблизительно на 150 милл. м.). Въ общемъ же обороты германской внѣшней торговли нынѣ уступаютъ только великобританскимъ; а въ частности **вывозъ** сравнительно молодого германскаго капитализма—теперь уже равенъ англійскому.—Но куда же вывозитъ Германія? Можетъ быть, въ тѣ колоніи, которыя остались на ея долю и которыя, какъ ни какъ, впятеро превышаютъ площадь самой метрополіи?—Увы! собственныя колоніи Германіи поглощаютъ только 2,9% всего германскаго экспорта. Въ сказочномъ ростѣ ея капитализма эти колоніи играютъ совершенно незамѣтную роль. Германскій капиталъ развивается за счетъ **чужихъ рынковъ**.—Вотъ куда вывозитъ Германія:

	1893 г.	1913 г.	Увеличеніе въ %
Всего (милл. марокъ)	3.245	10.096	254,4
въ томъ числѣ			
въ Европу	2.508	7.677	206,0
„ Африку	35	211	502,8
„ Азію	117	548	358,9
„ Америку	565	1.546	173,4
„ Австралію	18	104	477,7

За 20 лѣтъ (1893 — 1913) больше всего возросъ германскій экспортъ въ Африку и Австралію; т.-е., при тѣхъ политическихъ разграниченіяхъ, которыя были установлены до войны, Германія стремительно захватываетъ въ чужихъ заморскихъ областяхъ нужныя ей экономическія позиціи. Въ Австралійскій союзъ, въ Алжиръ и Марокко, въ Канаду, въ Британскую Индію и въ Азіатскую Турцію — Германія вывозитъ во много разъ больше, чѣмъ въ свои Самоа, Новую Гвинею, Камерунъ и даже Кіао-Чао. Мало того, въ чужія колоніи нѣмцы вывозятъ несравненно больше, чѣмъ вывозятъ туда сами ихъ метрополіи. Такъ, тоннажъ германскаго флота, который употреблялся для торговыхъ сношеній съ Сіамомъ, равнялся 376 тыс. тоннъ, тогда какъ французская торговля велась всего 25 кораблями всего въ 9 тыс. тоннъ... Ясно, что не для этого захватывали и закрѣпляли за собой заморскія области французы и англичане; не для этого они вели кровавыя войны на Дальнемъ Востокѣ и черномъ материкѣ.

Но такъ обстоитъ дѣло не только въ колоніяхъ и не только на всѣхъ внѣшнихъ рынкахъ передового европейскаго капитала. — Изъ послѣдней приведенной таблички мы видѣли, что въ колоніальныя страны направляется меньше четверти всего огромнаго германорта. Больше трехъ четвертей вывозимыхъ изъ Германіи товаровъ потребляется европейскими странами. При этомъ главной потребительницей германскихъ товаровъ оказывается старая Англія: такъ, изъ 7 милліардовъ всего германскаго экспорта 1907 г. Англія поглотила свыше милліарда. Затѣмъ, какъ германскій рынокъ, наибольшую роль играетъ Австро-Венгрія (717 милл. м.); а далѣе приблизительно одинаковыя количества германскихъ товаровъ (на 440—450 милл. м.) потребляютъ Франція, Бельгія, Нидерланды, Швейцарія и Россія.

Понятно, что такое положеніе германскаго капитала въ самой Европѣ еще болѣе непріятно для національнаго капитала ея сосѣдей. Германія не только „наступаетъ“, но уже проникла въ самые отдаленные и въ самые интимные углы міра. Ея „засилье“ уже давно есть притча во языцѣхъ не только у насъ, но и у недавнихъ гегемоновъ Европы. И уже никто нынѣ не можетъ скрывать отъ самихъ себя, что этой прежней гегемоніи больше не существуетъ... Еще въ 50 годахъ въ Англіи была образована парламентская комиссія для изученія нѣмецкаго „засилья“; она пришла къ заключенію, что „конкуренція Германіи дѣлается все болѣе и болѣе настойчивой; во всѣхъ углахъ міра чувствуются настойчивость и упорство нѣмцевъ; они одолѣваютъ насъ благодаря лучшему знанію рынка, готовности сообразоваться со вкусами каждаго, благодаря рѣшимости проникать всюду и, всюду проникая, упрочиваться“. А затѣмъ, черезъ 10 лѣтъ вышла знаменитая книга Вилльямса „Made in Germany“, которая начиналась знаменательными словами: „Промышленное первенство Великобританіи долгое время было всѣми признанной истиной; но теперь оно обращается въ миѳъ, столь же соотвѣтствующій дѣйствительности, какъ возможность для китайскаго императора сдѣлать перепись своимъ подданнымъ“. Въ настоящее время объ этомъ уже нельзя спорить: „Англіи, — по словамъ г. Туганъ-Барановскаго, — не удалось удержать прежней гегемоніи; она лишилась — и навсегда—своего положенія на міровомъ рынкѣ“.

Совершенно ясно, что понятія „утраты гегемоніи“ и „германскаго засилья“ ни въ какомъ случаѣ нельзя относить къ союзнымъ націямъ въ цѣломъ. Напротивъ, потребительскія массы и при томъ не только демократія, но и, напр., потребители машинъ, именно потому обращаются не къ національному, а къ германскому продукту, что они „ищутъ, гдѣ лучше“. Иноземное

засилье совершенно не противорѣчитъ непосредственнымъ интересамъ самыхъ широкихъ слоевъ населенія, которое, наоборотъ, упорно борется съ монополіей національнаго капитала. Совершенно безразлична для нихъ и „міровая экономическая гегемонія“. Но что націи въ цѣломъ „здорово“, то національному капиталу „смерть“. Активнымъ же лицомъ внутренней и внѣшней національной политики является именно онъ, а не нація въ цѣломъ.

Рѣшительно вытѣсняемыя на поприщѣ промышленнаго экспорта Англія и Франція эволюціонировали въ сторону экспорта капитала и ссудныхъ международныхъ операцій. Но эта форма приспособленія къ обстоятельствамъ ровно ничего не измѣняетъ по существу. Вѣдь Германія также экспортируетъ огромныя массы капитала. Старая Англія въ 1911 году имѣла за границей, включая сюда и свои колоніи, приблизительно 32 милліарда фун. стерлинговъ; сравнительно молодая Германія, съ ея незначительными колоніями, вложила за границу, хотя и гораздо меньше, но все же 35 милліардовъ марокъ. Общій же смыслъ этой эволюціи англо-французскаго капитализма таковъ: Германія практикуетъ именно ту форму экспорта (капитала или товара), какая для нея наиболѣе выгодна; страны же „банкиры“—ту, какая для нихъ единственно возможна.

Итакъ, согласно формулировкѣ В. А. Мукосѣева, „конецъ XIX и начало XX вѣка ознаменовались рѣшительнымъ установленіемъ въ Европѣ германской экономической гегемоніи; она безраздѣльно воцарилась на европейскомъ рынкѣ и, шагъ за шагомъ, подчиняла себѣ новыя области“... То-есть, намъ говорятъ, что германская гегемонія, достиженіе которой обыкновенно выставляется цѣлью военннаго нападенія на Европу, была совершившимся фактомъ уже на рубежѣ XX столѣтія! Германскій капиталъ достигъ ея при

1069914
сф 30120

при ЦК КПСС

ромъ, до-военномъ международно-политическомъ порядкѣ вещей, который—стало быть—открывалъ ему совершенно достаточныя возможности.

* * *

Вотъ тутъ-то и вспоминаются слова г. Слонимскаго въ „Вѣстникѣ Европы“, относящагося крайне скептически къ вышеизложенному экономическому объясненію войны. „Стоитъ только ближе присмотрѣться къ аргументаціи сторонниковъ такого „глубокаго“ пониманія событій, чтобы убѣдиться въ ея логической несостоятельности... Говорятъ, что наступательная воинственность [Германіи] вызвана потребностью колоніальнаго расширенія; но зачѣмъ было бы нѣмцамъ проливать потоки крови ради пріобрѣтенія новыхъ колоній въ собственность, когда они отлично устраивали свои дѣла въ чужихъ колоніальныхъ владѣніяхъ безъ всякихъ жертвъ и усилій?... Германія, несомнѣнно, одержала верхъ надъ Англіей и Франціей; она послѣдовательно и безпрепятственно побѣждала ихъ на міровомъ рынкѣ... Теорія ‚колоніальнаго расширенія‘, очевидно, не объясняетъ и не оправдываетъ войны со стороны Германіи“... И г. Слонимскій, не переставая считать Германію „зачинщицей“, вполнѣ естественно, ищетъ объясненія катастрофы в н ѣ области экономики.

Очень интересно отмѣтить, что совершенно такъ же смотритъ на дѣло и отвѣтственный публицистъ и министеріабельный лидеръ нашего либерализма, г. Милюковъ. Вотъ что пишетъ онъ въ „Ежегодникѣ“ своего центральнаго органа, „Рѣчи“: „Несмотря на поднятую въ Англіи и Франціи тревогу, германцы до послѣдняго времени очень спокойно и безпрепятственно занимались мирнымъ завоеваніемъ иностранныхъ рынковъ. Безъ всякихъ войнъ и территоріальныхъ пріобрѣтеній они прекрасно умѣли устраиваться ‚жильцами въ чужомъ

домѣ'... ‚Мирное проникновеніе' не только на колоніальные, но и на европейскіе рынки, шло такъ удачно, что само по себѣ не могло вызвать никакой необходимости въ поддержкѣ вооруженной силой"...

Г. Слонимскій въ своихъ разсужденіяхъ готовъ идти и дальше... Выше нами былъ поставленъ вопросъ: если въ настоящей войнѣ проявлялся конфликтъ имперіализмовъ передовыхъ странъ, то какія же именно нормы преслѣдуются иниціаторомъ войны — захватъ чужого или защита своего, свобода конкуренціи или монополія? Г. Слонимскій полагаетъ, что прежній порядокъ былъ вполнѣ благопріятенъ для нѣмецкаго и тягостенъ для французскаго и англійскаго капитала. И если дѣло дѣйствительно въ столкновеніи экономическихъ интересовъ національныхъ капиталистическихъ группъ, то смыслъ вооруженной борьбы состоитъ именно *въ защитѣ своего монопольнаго положенія* въ своихъ владѣніяхъ противъ Германіи. „Необычайные успѣхи германской производительности, — разсуждаетъ г. Слонимскій, — могли возбудить недовольство англичанъ и французовъ, могли вызвать въ Англіи и Франціи желаніе насильственной защиты ихъ національныхъ интересовъ; поэтому, если изъ-за экономическаго соперничества могла возникнуть война, то только со стороны потерпѣвшихъ странъ въ видахъ самозащиты, а никакъ не со стороны торжествующей Германіи, процвѣтаніе которой возрастало именно въ годы мира"... Очевидно, что въ войнѣ при такихъ условіяхъ Германія могла бы преслѣдовать именно прежній порядокъ, при которомъ она благоденствовала и процвѣтала; національная же защита представителей „потерпѣвшаго" капитала требовала именно измѣненія гибельнаго для него порядка вещей.

Само собой разумѣется, что всю эту схему рѣшительно отвергаютъ цитированные виднѣйшіе представители русскаго либерализма: ибо имъ извѣстно, что

на дѣлѣ „Франція и Англія не готовились къ войнѣ и все болѣе проникались духомъ миролюбія, слѣдуя только по необходимости въ слабой степени за Германіею въ дѣлѣ вооруженій".

Но какія же въ самомъ дѣлѣ мыслимы средства „національной самозащиты" капитала противъ германской гегемоніи и всемірнаго нѣмецкаго нашествія? Прежде всего, теоретически мыслима борьба тѣми же средствами, которыми побѣждаетъ Германія, то-есть путемъ радикальнаго улучшенія всего технико-экономическаго торгово-промышленнаго аппарата союзныхъ странъ. И дѣйствительно, уже давно въ Англіи и во Франціи тщательно изучаются причины германскихъ экономическихъ побѣдъ; мобилизуется вся національная наука и техника на службу національной промышленности; устраиваются съѣзды и выставки, создается огромная литература. Все это, несомнѣнно, должно дать самые благіе результаты. Но едва ли можетъ быть рѣчь о томъ, чтобы все это могло достигнуть основной цѣли—вернуть національному капиталу экономическую гегемонію и свободу отъ германскаго „засилья". Ибо все движеніе совершается вокругъ лозунга — учиться у нѣмцевъ торгово-промышленной техникѣ и экономическимъ побѣдамъ: дальше этого чисто экономическое движеніе по существу своему идти не можетъ. А между тѣмъ въ Германіи идетъ параллельная работа, и сравнительные результаты ея вѣдь уже были испытаны.

Мыслимы и иныя средства, уже выходящія за предѣлы чистой экономики. Таковъ — бойкотъ. Но стоитъ ли говорить о немъ, какъ о реальной возможности? Средство, многократно испытанное и совершенно безнадежное. Не побѣдить національной идеѣ экономическихъ расчетовъ обывателя. Не осилить патріотическимъ призывамъ тяги потребительскихъ массъ къ жизненнымъ удобствамъ и дешевизнѣ. Бойкотъ

есть не больше, какъ свидѣтельство собственнаго безсилія. — Существуетъ и болѣе дѣйствительное средство — также внѣ-экономическаго характера; можно даже считать его прямо политическимъ средствомъ. Это таможенное объединеніе колоніальныхъ владѣній съ метрополіями... До сихъ поръ Англія была, какъ извѣстно, цитаделью свободной торговли и не ограждала пошлинами даже Британскихъ острововъ; но переходъ ея къ протекціонизму есть вопросъ времени и при томъ ближайшаго будущаго. Начатое Чемберленомъ теченіе въ пользу замѣны свободной торговли „справедливой торговлей“ ко времени войны уже достигло огромной силы. Надо замѣтить, однако, что переходъ къ протекціонизму и созданіе единаго хозяйственнаго организма—дѣло крайне трудное. Въ самой метрополіи приходится сталкиваться съ рѣзкимъ противорѣчіемъ интересовъ внутри самихъ капиталистическихъ группъ и съ рѣшительной оппозиціей протекціонизму со стороны всей демократіи. Что же касается колоній, то и для нихъ таможенное объединеніе есть прямой и немалый ущербъ. Многія изъ нихъ не прочь создать свою собственную таможенную стѣну — для охраны своей собственной промышленности ото всякой европейской конкуренціи и въ томъ числѣ отъ англійской (нѣкоторыя изъ нихъ уже и осуществили это): но попытки насильственной замѣны всѣхъ болѣе привычныхъ, болѣе дешевыхъ, болѣе подходящихъ продуктовъ непремѣнно англійскими—не могутъ не встрѣтить противодѣйствія со стороны колоній. Вопросъ, однако, въ томъ, помогло ли бы дѣлу таможенное объединеніе, если бы оно было осуществлено, несмотря на всѣ препятствія?

Сомнѣній тутъ быть не можетъ. При данныхъ условіяхъ таможенное объединеніе есть средство, совершенно не достигающее цѣли. Германія съ успѣхомъ преодолѣваетъ исключительный протекціонизмъ

Россіи; о другихъ протекціонистскихъ странахъ не приходится и говорить. Въ данномъ случаѣ таможенныя загородки, хотя и приносятъ нѣкоторую пользу, но въ общемъ оказываются безсильными. Сама „фритредерская“ Англія уже приняла, начиная съ 1898 года, рядъ „переходныхъ мѣръ“ по установленію „болѣе тѣсной связи съ колоніями“: для Канады, Южной Африки, Новой Зеландіи и Австралійскаго союза были установлены льготные тарифы съ метрополіей. Франція же еще въ 1892 году оградила свои колоніи таможенной стѣной отъ всѣхъ другихъ странъ. А результаты — налицо. Эта мѣра не помогаетъ. Германія преодолѣваетъ всѣ такого рода преграды. Никакого подобія монополіи, необходимой національному капиталу, при помощи таможенныхъ пошлинъ Англія и Франція въ своихъ владѣніяхъ создать не могли.

Надо признать, что дѣйствительныхъ средствъ борьбы, дѣйствительныхъ путей къ возврату гегемоніи—вообще не существуетъ. Приходится просто примириться съ тѣмъ положеніемъ въ міровомъ хозяйствѣ, въ которое поставило старѣйшія капиталистическія страны міровое экономическое развитіе... Но это легко сказать. Каково это сдѣлать тѣмъ, кто въ этомъ непосредственно и кровно заинтересованъ! О настроеніи ихъ интересно пишетъ г. Жаботинскій въ своихъ „африканскихъ впечатлѣніяхъ“.

„Задолго до настоящей войны борьба на жизнь и смерть уже велась на пространствѣ всего міра между болѣе старыми европейскими государствами и молодой, расцвѣтающей германской имперіей. Только въ мирное время эта война за торговое преобладаніе была не по силамъ ни Франціи, ни Англіи. Арсеналъ средствъ, возможныхъ въ мирное время, не могъ сломить роста нѣмецкой торговли, и медленно и неуклонно она вытѣсняла торговлю другихъ странъ со всѣхъ рынковъ.

Во время знаменитаго агадирскаго инцидента мнѣ пришлось сидѣть на маленькой факторіи, затерявшейся въ дельтѣ Нигера. Отрѣзанные отъ всего міра, мы жили здѣсь въ крошечной

кибаркѣ вдвоемъ съ агентомъ-англичаниномъ. Вдругъ, совершенно неожиданно, смута вторглась къ намъ. Съ пачкой газетъ, взволнованный, счастливый, пріѣхалъ агентъ, завѣдывавшій райономъ. Онъ былъ неузнаваемъ. Съ восторгомъ, съ упоеніемъ онъ говорилъ про предстоящую войну съ Германіей, про неминуемый конецъ владычества нѣмцевъ надъ міромъ. Въ его глазахъ рисовались увлекательныя картины изгнанія нѣмецкой торговли отовсюду, куда она успѣла проникнуть и гдѣ она, благодаря своей удивительной приспособляемости, быстро завоевала преобладающее положеніе. Затаенная ненависть къ счастливому конкуренту, скрываемая въ обычное время, проснулась въ это время въ замкнутой душѣ этихъ игроковъ на жизнь и смерть и превратилась въ какой-то кличъ уничтоженія и истребленія врага"...

Чего же, однако, можно достигнуть войной? Какой новый порядокъ способенъ парализировать германскій натискъ и вернуть гегемонію англо-французскому капиталу? — Въ полномъ соотвѣтствіи съ только-что описанными настроеніями, въ нашей печати приводились мнѣнія нѣкоторыхъ изъ союзныхъ писателей о необходимыхъ условіяхъ будущаго сожительства государствъ.

Прежде всего, предполагается, что Германія будетъ истощена войной гораздо болѣе союзныхъ государствъ. Условія же будущаго мира окончательно довершатъ ея истощеніе. Во французской литературѣ неоднократно упоминалась цифра контрибуціи въ 100—110 и болѣе милліардовъ, которые лягутъ на нѣсколько поколѣній. Помимо денежнаго вознагражденія, высказывались мнѣнія насчетъ изъятія изъ рукъ германскаго капитала его огромнаго флота, а также насчетъ лишенія Германіи части ея огромныхъ естественныхъ богатствъ въ родѣ вестфальскихъ угольныхъ копей. Далѣе, въ свое время возникъ цѣлый рядъ проектовъ политическаго расчлененія Германіи — на двѣ части или на много мелкихъ государствъ-провинцій, политически автономныхъ и экономически раздѣленныхъ; „мы отрицаемъ за Германіей право на единство,—писалъ одинъ

французскій авторъ,—побѣдоносная Франція не позволитъ, чтобы рядомъ съ ней существовало перенаселенное и компактное государство!“ Другой авторъ предусматривалъ даже и конституціи для новыхъ карликовыхъ государствъ, а также и мѣры, предупреждающія ихъ попытки снова слиться въ могучій политико-экономическій организмъ.

Осуществится это или нѣтъ,—но во всякомъ случаѣ полная побѣда открыла бы возможность къ вмѣшательству и распоряженію внутренними дѣлами Германіи. Для обезпеченія контрибуціи будетъ возможенъ финансовый контроль, урегулированіе тарифовъ, соотвѣтствующія ставки промысловаго и другихъ налоговъ. Наконецъ, въ литературѣ уже давно разрабатывается планъ европейской таможенной системы, долженствующій поставить Германію въ то изолированное положеніе, котораго въ свое время войнами же добивался для Англіи Наполеонъ... Во всякомъ случаѣ, для національнаго англо-французскаго капитала побѣдоносная война открываетъ самыя широкія возможности. Возстановленіе его гегемоніи въ результатѣ полной побѣды можно считать вѣроятнымъ. При иныхъ же условіяхъ оно было бы невозможно...

Въ общемъ, положеніе, какъ видимъ, не такое сложное, чтобы въ немъ было затруднительно разобраться. Однако, нельзя не признать, что наша публицистика все же сумѣла заблудиться въ трехъ соснахъ, несмотря на всю затраченную ею энергію. Подходила она къ вопросу и съ одного конца и съ другого, но концовъ съ концами не свела. Это потому, что, разбираясь въ историческихъ явленіяхъ, необходимо имѣть не только энергію: необходимо еще отбросить всякаго рода эмоціи, необходимо „не плакать и не смѣяться, а понимать“.

II.

Интересы Россіи въ міровой войнѣ.

Итакъ, источникъ и центръ мірового конфликта надо искать на Западѣ — въ столкновеніи интересовъ англо-французскаго и германскаго національнаго капитала. Тамъ, въ странахъ „высокаго капитализма“, финансовые и промышленные „короли“ не подѣлили міра въ экономической борьбѣ; и побѣжденный рублемъ бросился съ дубьемъ на счастливаго конкурента и побѣдителя.— Но каково же мѣсто нашей родины на этомъ, казалось бы, довольно чужомъ пиру? Почему Германія, съ крикомъ „Gott strafe England“ (Боже, покарай Англію) объявила войну Россіи?

Преслѣдуетъ ли Россія свои жизненные интересы, осуществляетъ ли насущныя историческія задачи въ настоящей войнѣ? Мы не задаемся цѣлью разсмотрѣть вопросъ во всемъ его объемѣ. Мы хотимъ только вкратцѣ взглянуть, каковы дѣйствительные реальные интересы Россіи въ міровой вооруженной борьбѣ. Что̀ можетъ пріобрѣсти или что можетъ отстоять для себя Россія при полной побѣдѣ согласія?.. Предпримемъ бѣглый обзоръ нашихъ экономическихъ интересовъ.

Въ западныхъ передовыхъ странахъ дѣла внѣшней политики вершитъ всецѣло промышленно-финансовый капиталъ. То-есть классомъ, заинтересованнымъ въ созданіи извѣстныхъ нормъ международныхъ экономическихъ отношеній, является тамъ буржуазія. Обращаясь къ интересамъ Россіи во внѣшнихъ областяхъ и странахъ, мы, естественно, должны прежде всего поинтересоваться, каковы интересы русскаго капитала на внѣшнихъ рынкахъ. Это значитъ, что мы прежде всего вступаемъ въ область русскаго имперіализма.

Русская промышленность работала на внѣшніе рынки еще въ докапиталистическую эпоху. Въ 1793—4 гг. одного только полотна Россія экспортировала до 15 милл. аршинъ, на сумму (на наши деньги) около 10 милл. рублей. Нашъ промышленный капитализмъ имѣлъ дѣло съ внѣшними рынками съ самаго дня своего возникновенія. И не только имѣлъ дѣло, но крайне интересовался ими и всегда выдавалъ завоеваніе ихъ за насущную государственную задачу. Уже давно русскій имперіализмъ, при всѣхъ своихъ количественныхъ и качественныхъ отличіяхъ отъ современнаго западнаго имперіализма, оказывалъ огромное вліяніе на нашу внѣшнюю политику. Интересы капитала играли рѣшающую роль въ нашихъ персидскихъ, турецкихъ, среднеазіатскихъ, дальне-восточныхъ, да и нѣкоторыхъ европейскихъ войнахъ прошлаго и текущаго вѣка.—Нельзя сомнѣваться въ томъ, что „открытіе“ внѣшнихъ рынковъ и созданіе тамъ для себя монополіи всегда было выгодно и желательно для русской буржуазіи. Но можно ли допустить мысль, что въ этомъ заключается для нея какое-либо подобіе „жизненнаго интереса“, какъ это мы констатировали для Англіи и Франціи?

Двухъ отвѣтовъ тутъ быть не можетъ. Нашъ промышленный экспортъ до сихъ поръ ничтоженъ и до войны достигалъ всего 65—70 милл. рублей. Ко всему нашему промышленному производству онъ составляетъ не болѣе одного процента; въ общей суммѣ нашего вывоза онъ совершенно незамѣтенъ, и его относительное значеніе за цѣлое столѣтіе почти не возросло: въ 1802—1804 гг. вывозъ готовыхъ издѣлій составлялъ 8,4% ко всему экспорту, въ 1850—55 гг.—9,7%, въ 1881—1885 гг.—2,0%, въ 1906—1910 гг.—5,0%. И понятно, что изъ этихъ скромныхъ величинъ нашего промышленнаго экспорта далеко не все представляетъ изъ себя продуктъ крупнаго промышленнаго капитала, дѣлающаго внѣшнюю политику... При такихъ условіяхъ,

мы категорически можемъ утверждать, что для нашего капитала вообще—въ настоящій періодъ его развитія—внѣшніе рынки и имперіалйстская политика не могутъ быть „насущной потребностью“, не могутъ считаться необходимымъ условіемъ здороваго роста отечественнаго капитализма.

Въ самомъ дѣлѣ, говоря о нашихъ насущныхъ интересахъ въ Персіи, Турціи, Китаѣ и т. д., мы вмѣстѣ съ тѣмъ не перестаемъ твердить, что насъ самихъ превращаютъ въ колонію. Какъ извѣстно, мы очень охотно готовы выдавать себя за объектъ эксплуатаціи; и наша національная гордость никогда не мѣшаетъ намъ преувеличивать нашу экономическую слабость. Но во всякомъ случаѣ мы отлично знаемъ, что необъятная аграрная Россія представляетъ собой неисчерпаемый рынокъ для промышленнаго капитала. Мы только всегда имѣемъ въ виду въ такихъ случаяхъ непремѣнно иностранный капиталъ, а не свой собственный. Дѣйствительно, вывозя на 70 милл. фабрикатовъ, мы ввозимъ ихъ на 400 милл. рублей. Но это и значитъ, что для нашего промышленнаго капитала, для его могучаго развитія и процвѣтанія—имѣется неограниченный просторъ внутри страны, у себя дома, по сю сторону таможенныхъ заграждeній. Ни одна страна въ мірѣ не имѣетъ такихъ колоссальныхъ и близкихъ, такъ хорошо огражденныхъ отъ иноземной конкуренціи колоній, какія имѣются къ услугамъ нашего молодого и сравнительно слабаго капитализма—въ видѣ нашихъ неизмѣримыхъ аграрныхъ областей со многими десятками милліоновъ населенія.

Сомнѣній быть не можетъ: россійская буржуазія, подобно европейской, имѣетъ хорошіе аппетиты и большое пристрастіе къ расширенію рынка за счетъ чужихъ, отсталыхъ странъ; но, въ противоположность европейской, она не имѣетъ въ этомъ никакого подобія насущной необходимости. Безразлично—пожелалъ бы

русскій имперіализмъ добиваться новыхъ „сферъ вліянія“ или сталъ бы онъ вооруженной рукой защищать свои уже пріобрѣтенныя права — онъ не имѣлъ бы того „историческаго оправданія“, какое имѣетъ имперіализмъ въ странахъ „высокаго капитализма“...

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что со всѣмъ этимъ не согласятся сами представители нашего національнаго капитала. Даже навѣрное не согласятся. Но смогутъ ли они не признать того, что для насъ гораздо важнѣе: что въ настоящей нашей войнѣ съ Германіей, какъ бы ни была она удачна, дѣйствительно не осуществляется никакихъ имперіалистскихъ задачъ. Экономическихъ интересовъ этой категоріи Россія въ этой войнѣ не имѣетъ. — Въ самомъ дѣлѣ, бросимъ взглядъ на интересы нашего капитала въ тѣхъ чужихъ краяхъ, которые являются объектами нашей активной внѣшней политики.

Начнемъ съ Дальняго Востока.—Китай, Манчжурія, Монголія, Корея представляютъ интересъ, главнымъ образомъ, для нашей мануфактуры. Заинтересованныя фирмы тутъ, можно сказать, наперечетъ, и потому говорить объ интересахъ на Дальнемъ Востокѣ нашего національнаго капитала совершенно не приходится. Но вопросъ въ томъ, что можетъ дать для заинтересованныхъ группъ настоящая война? — Если бы мы обратились къ исторіи нашихъ дальне-восточныхъ отношеній, то легко убѣдились бы, что интересы русскихъ промышленныхъ группъ никогда не сталкивались на Дальнемъ Востокѣ съ германскими интересами. Напротивъ, германскій капиталъ, въ своихъ интересахъ, доселѣ поощрялъ и поддерживалъ нашъ собственный Drang nach Osten. Если же мы обратимся къ свидѣтельству самихъ заинтересованныхъ группъ о современномъ положеніи дѣлъ, то увидимъ, что о Германіи, какъ о своемъ конкурентѣ на Дальнемъ

Востокѣ, онѣ почти не упоминаютъ. Германія въ этихъ краяхъ еще совершенно ничтожная величина... Главными конкурентами нашими въ собственномъ Китаѣ (какъ и въ Манчжуріи) являются Англія, Америка, Японія и Индія! Особенно же страшнымъ конкурентомъ-побѣдителемъ и хозяиномъ положенія на Дальнемъ Востокѣ — является, конечно, наша союзница Японія.

Она рѣшительно вытѣсняла нашу мануфактуру съ ея китайскихъ и манчжурскихъ позицій до настоящей войны. Но не очевидно ли, что съ началомъ войны мы уже окончательно и добровольно уступили ихъ молодому, но энергичному японскому капиталу? Политика Японіи за время войны и, въ частности, ея знаменитые ультиматумы и директивы Китаю, не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что японскій капиталъ, именно благодаря русско-германской войнѣ, совершенно безпрепятственно станетъ полнымъ господиномъ на Дальнемъ Востокѣ. На русскомъ же дальне-восточномъ „расширеніи“ именно эта война поставитъ крестъ... Правда, та самая легкость, съ какой приносится эта жертва инымъ „національнымъ благамъ“, достигаемымъ побѣдой надъ Германіей, уже сама по себѣ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ ничтожны интересы русскаго капитала на Дальнемъ Востокѣ. Но для насъ, собственно, важно здѣсь только то, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло именно съ жертвой, а никакъ не съ выгодой. Не здѣсь, очевидно, реализуется наша національная задача.

Пойдемъ дальше.—„Наши интересы“ въ Средней Азіи, точнѣе—въ ея внѣшнихъ областяхъ, конечно, еще менѣе значительны, чѣмъ на Дальнемъ Востокѣ. Но каковы бы они ни были, въ данномъ случаѣ еще болѣе очевидно, что къ огражденію и укрѣпленію ихъ русско-германская война не можетъ имѣть ни малѣйшаго отношенія. Отъ Германіи всѣ эти области

настолько изолированы, что здѣсь германскій капиталъ не имѣетъ пока ни силы, ни интересовъ, ни претензій. Напротивъ, уже много десятилѣтій нашей политикѣ приходится здѣсь сталкиваться съ другой нашей могучей союзницей, съ Англіей. Наше „движеніе“ на юго-востокъ извѣстно въ Англіи, какъ „русскій походъ на Индію“, который вызвалъ тамъ серьезныя опасенія за свои интересы. Во всякомъ случаѣ, традиціонныя тренія на этой почвѣ не могли быть ликвидированы англо-русскимъ соглашеніемъ 1907 года, согласно которому русское правительство признало Афганистанъ „находящимся внѣ сферы русскаго вліянія“... Какъ бы то ни было, но не защитой нашихъ матеріальныхъ интересовъ въ Средней Азіи можетъ быть объяснено русско-германское столкновеніе.

Не много новаго можно сказать о положеніи русскаго капитала въ Персіи. Количественно онъ заинтересованъ въ персидскомъ рынкѣ приблизительно такъ же, какъ въ китайскомъ. Но русская промышленность, не въ примѣръ другимъ своимъ внѣшнимъ рынкамъ, въ Персіи является гегемономъ. Вывозъ ея въ Персію, во-первыхъ, очень быстро растетъ (за послѣднее десятилѣтіе — больше, чѣмъ вдвое), во-вторыхъ, составляетъ больше половины всего персидскаго импорта и, въ-третьихъ, вдвое превышаетъ импортъ въ Персію наиболѣе сильной конкурентки Россіи. Причины этого заключаются, помимо близости Персіи къ Россіи и ея малой территоріальной доступности для другихъ странъ, въ рядѣ искусственныхъ мѣръ, которыми форсируется русскій экспортъ: въ возвратѣ пошлинъ и акциза, въ запрещеніи транзита иностранныхъ товаровъ черезъ Кавказъ (благодаря чему нѣмецкіе товары могутъ попадать въ Персію только путемъ почтовыхъ посылокъ)... Но намъ опять-таки интересно, съ кѣмъ сталкивается и конкурируетъ русская промышленность въ Персіи и не стремится ли

здѣсь что-либо разрѣшить русско-германскій вооруженный споръ? — Лучше всего отвѣтятъ цифры.

Изъ	Ввозъ въ Персію (тыс. руб.): 1910/11 г.	1913/14 г.
Россіи	39.521	64.060
Великобританіи	24.140	32.032
Турціи	2.748	4.021
Франціи	2.748	3.533
Германіи	2.506	5.468

Дѣло совершенно ясно. Столкновеніе на персидскомъ рынкѣ съ германской промышленностью, какъ съ серьезнымъ конкурентомъ, было бы возможно лишь въ далекомъ будущемъ. Сейчасъ интересы въ Персіи никакъ не могли бы заставить Германію думать о войнѣ съ Россіей, а русскую промышленность—защищаться тамъ вооруженной рукой. Напротивъ, съ Англіей намъ всегда приходилось „дѣлить“ персидскіе интересы и „сферы вліянія“; притомъ, несомнѣнно, что наши экономическія завоеванія тамъ совершались именно за счетъ нашей „союзницы“. И данный экономическій конфликтъ еще ни въ какой мѣрѣ не изжитъ: настоящая война только вводитъ его въ новую фазу. То различіе „точекъ зрѣнія“, которое проявляется въ современной, „военной публицистикѣ“, достаточно ясно формулировалъ нашъ офиціальный экономистъ, проф. Мигулинъ: „Ради чего же легли,—спрашиваетъ онъ,—милліоны людей и истрачены десятки милліоновъ рублей, разорено государство?... Утѣшаетъ ли насъ заявленіе англійскихъ министровъ въ палатѣ депутатовъ, что основой персидской политики является независимость и неприкосновенность Персіи... Стоитъ сэру Асквиту или сэру Эд. Грею сдѣлать подобное заявленіе о Персіи, и, конечно, начнется у насъ разговоръ, что цѣль Англіи не допустить Россію къ Персидскому заливу... и комментаріи излишни. Нѣтъ, необходимо, чтобы

не могло быть и намека на подобную цѣль у Англіи, тогда и недовѣрію не будетъ мѣста"... Во всякомъ случаѣ, интересы русскаго капитала въ Персіи также, какъ видимъ, не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ русско-германскому конфликту.

* *

Гораздо сложнѣе и интереснѣе обстоитъ дѣло на Ближнемъ Востокѣ. — Правда, по существу и по тѣмъ выводамъ, къ какимъ оно обязываетъ, положеніе дѣлъ на Ближнемъ Востокѣ ничѣмъ не отличается отъ вышеописаннаго. Наши торгово-промышленные интересы здѣсь значительно меньше, чѣмъ въ одной Персіи. Но русскій ближне-восточный имперіализмъ всегда имѣлъ не экономическій, не „матеріальный", а скорѣе чисто-политическій, „духовный", славянско-византійскій характеръ. И лучшимъ доказательствомъ — съ одной стороны, ничтожности нашихъ матеріальныхъ интересовъ на Ближнемъ Востокѣ, а съ другой — ихъ полной неприкосновенности къ русско-германской войнѣ - служитъ то обстоятельство, что ближне-восточная проблема, въ ея современной постановкѣ, выплыла лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала войны, лишь со времени выступленія Турціи. Къ объясненію русско-германскаго конфликта эту проблему притянуть никакъ нельзя. — Тѣмъ не менѣе—вѣдь настроенія мѣняются, а аппетитъ растетъ при ѣдѣ — въ настоящее время ближне-восточная проблема пріобрѣла большую практическую важность и не меньшій теоретическій интересъ. Изъ самыхъ офиціальныхъ и высокоавторитетныхъ сферъ сквозь всю толпу обывательскихъ массъ успѣла просочиться та истина, что „важнѣйшая наша историческая задача — на Ближнемъ Востокѣ": уже это одно способно призвать къ особому вниманію всякаго, кому дороги судьбы народа, — ибо послѣдствія всего этого

могутъ быть чрезвычайны. Но и самая постановка вопроса въ литературѣ заслуживаетъ нашего вниманія,— ибо едва ли когда до сихъ поръ убожество нашей общественной мысли достигало такихъ смѣхотворныхъ размѣровъ, и едва ли смѣхъ надъ собственнымъ убожествомъ когда-либо былъ такъ горекъ и такъ дорого стоилъ...

До первой балканской войны (1912 г.) Оттоманская имперія, можно сказать, почти олицетворяла собой весь Ближній Востокъ. И вотъ какой рынокъ она представляла собой для величайшихъ странъ Европы.

Было ввезено въ Турцію:

	1905—6 г.		1908—9 г.	
Изъ	въ фун. ст.	въ %	въ фун. ст.	въ %
Англіи	9.642	35.05	8.257	30.00
Германіи	1.163	4.22	1.698	6.16
Россіи	1.597	5.80	2.188	7.94

Товарный экспортъ въ Турцію какъ изъ Россіи, такъ и изъ Германіи очень невеликъ. Господиномъ положенія тамъ еще является Англія; бороться приходится именно съ ней и именно у нея отвоевывать прочныя позиціи на Ближнемъ Востокѣ. — Но мы видимъ, что эта борьба идетъ крайне успѣшно; и русская, и германская промышленность укрѣпляются въ Турціи за счетъ англійской. Британская гегемонія тамъ быстро ликвидируется. И въ данномъ случаѣ между Россіей и Германіей уже явно былъ возможенъ въ будущемъ, явно готовился конфликтъ—изъ-за англійскаго наслѣдства. Конфликтъ этотъ нельзя считать болѣе острымъ, чѣмъ англо-русскій антагонизмъ въ Персіи и Средней Азіи; вооруженное столкновеніе здѣсь могло бы также мало быть обоснованнымъ, какъ и тамъ. Но все же борьба національнаго капитала Россіи и Германіи здѣсь, несомнѣнно, назрѣвала.— Не она ли проявилась „превентивно“ въ настоящей войнѣ?...

Увы! близко былъ локоть, но укусить не удалось. На „противорѣчіе интересовъ“ мы, наконецъ, напали. Но русско-германская война ведется при такихъ условіяхъ, что вопросъ—не тутъ ли зарыта собака—можетъ имѣть лишь реторическое значеніе. Вѣдь не ведетъ же въ самомъ дѣлѣ Англія Россію къ дѣлежу... англійскаго наслѣдства на Ближнемъ Востокѣ. Вѣдь надо думать — наоборотъ: Англія стремится пріобрѣсти въ войнѣ новыя жизненныя силы, и сама не прочь получить въ Турціи русско-германское наслѣдство. Вполнѣ естественно, что съ началомъ войны англійская печать,—какъ сообщаетъ тотъ же офиціальный авторъ, проф. Мигулинъ, — заговорила о сохраненіи Турціи и о „необходимости т о л ь к о изгнать турокъ изъ Европы и освободить отъ турецкаго владычества Аравію, Сирію, Палестину, Месопотамію, т.-е. области, въ которыхъ Великобританія такъ или иначе заинтересована“. Но „почему же,—восклицаетъ проф. Мигулинъ,—германское наслѣдство въ Турціи (Персидскій заливъ, Месопотамія, портъ Александретта, вообще районъ Багдадской ж. д.) должна получить Англія, которая безсильна противъ Германіи, а не Россія, на долю которой выпало сокрушить германскую мощь? Почему же добытое Россіей должна получить не она сама, а кто-то другой? Казалось бы, довольно и того, что въ случаѣ разгрома Германіи наибольшія выгоды получатъ наши союзники: такъ складываются обстоятельства. Настоящія компенсаціи на наши усилія мы можемъ получить только въ турецкомъ наслѣдствѣ Германіи“.—Мы совершенно ясно видимъ, какъ нашъ возможный въ будущемъ конфликтъ съ Германіей изъ-за англійскаго наслѣдства „превращается въ собственную противоположность“; онъ становится дѣйствительнымъ, настоящимъ и... довольно много обѣщающимъ.

Проф. Мигулинъ, въ цитированныхъ словахъ, въ сущности, лишь взыскуетъ справедливости и ратуетъ

за свое право. Но официальный экономистъ и не пытается объяснить, у кого и какіе именно интересы существуютъ во всѣхъ этихъ Александреттахъ, Аравіяхъ и Месопотаміяхъ, кому и зачѣмъ именно онѣ нужны... Это тоже вполнѣ понятно. Ибо онѣ дѣйствительно никому въ Россіи не нужны. И отъ стремленія въ эти области недаромъ предостерегаютъ другіе идеологи русскаго имперіализма и капитала. Кромѣ затрудненій и опасностей они тутъ ничего не сулятъ. — Наиболѣе близкая и наиболѣе „несомнѣнная“ для насъ турецкая область — это, конечно, Арменія. Но вотъ г. Милюковъ, съ „русской точки зрѣнія“ считаетъ невыгоднымъ и опаснымъ даже присоединеніе Малой Арменіи; и вполнѣ правильныя его соображенія таковы: такое „рѣшеніе армянскаго вопроса“ широко открываетъ Арменію международному соперничеству, какъ экономическому, такъ и политическому... Связь съ Россіей неизбѣжно становится менѣе тѣсной. Въ то же время обязанность защищать расширенную Арменію дѣлается болѣе тяжелой. И, наконецъ, появленіе Россіи въ Средиземномъ морѣ ставитъ новыя задачи русскому военному флоту, не оправдываемыя современнымъ состояніемъ русской внѣшней торговли. „Все это не можетъ не отражаться на отягощеніи русскаго плательщика, совершенно не пропорціонально выгодамъ, которыя Россія можетъ непосредственно извлечь изъ такого расширенія своей сферы вліянія“.— Малоазіатскія территоріальныя пріобрѣтенія, какъ видимъ, признаются ненужными и вредными самими имперіалистами. Но въ чемъ же тогда „общепризнанная“ „важнѣйшая историческая задача на Ближнемъ Востокѣ“?

* * *

Всѣмъ извѣстно, что она заключается въ пріобрѣтеніи Константинополя и проливовъ. По

словамъ проф. Мигулина, это для насъ — „кардинальный вопросъ; въ Россіи нѣтъ на этотъ счетъ разныхъ мнѣній“.—Но понимаютъ ли и раздѣляютъ ли это мнѣніе наши союзники? Мы видимъ, что относительно судьбы Турціи существуетъ особая „англійская точка зрѣнія“. И если вѣрить проф. Мигулину, въ кардинальномъ вопросѣ еще не все окончательно ясно. „Наши союзники, — пишетъ онъ, — должны понять и оставить старое рутинное предубѣжденіе противъ мысли о господствѣ Россіи на берегахъ Босфора“... Эта рутина, поистинѣ, мать всѣхъ пороковъ. Въ самомъ дѣлѣ, „въ Государственной Думѣ,— пишетъ проф. Мигулинъ, — прямо было понято заявленіе правительства въ томъ смыслѣ, что между Россіей и ея союзниками существуетъ опредѣленное соглашеніе, по крайней мѣрѣ, о проливахъ Мраморнаго моря и Константинополя. Изъ словъ Эд. Грея можно заключить, что такого соглашенія нѣтъ, и что вопросъ будетъ предметомъ особаго обсужденія при выработкѣ условій мира. Общество наше заволновалось... Заключая военный союзъ и обязуясь вести войну до конца, до полнаго пораженія врага... союзныя правительства должны з а р а н ѣ е (хотя бы и секретно) договориться о главнѣйшихъ и основныхъ пунктахъ пріемлемаго мира, чтобы потомъ не было разногласій и чтобы побѣдители не подвергались опасности столкновеній между собой какъ въ періодѣ войны, такъ и послѣ ея окончанія. Немыслимо допустить, чтобы министры одной союзной державы говорили по кардинальному вопросу одно, а министры другой — другое. Это, конечно, можетъ привести къ настоящей смутѣ“.

Положеніе, какъ видимъ, нелегкое. На пути — скалы и тайныя мели, а въ перспективѣ—бури. Слѣдовало ожидать, что хоть тутъ-то наше общественное мнѣніе мобилизуетъ всѣ свои духовныя силы, кликнетъ кличъ всѣмъ своимъ ученымъ и мудрецамъ и, по

крайней мѣрѣ, докажетъ всему свѣту, сдѣлаетъ яснымъ, какъ день, кому, почему и для чего намъ необходимы Константинополь и проливы. Увы! большей безпомощности, чѣмъ въ этомъ кардинальномъ вопросѣ, наша общественная мысль, пожалуй, нигдѣ не обнаруживала... Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ лидеры общественнаго мнѣнія вообще не даютъ никакихъ объясненій: въ Константинополѣ и проливахъ — „наша важнѣйшая историческая задача“, „насущная потребность“, „жизненный интересъ“—и дальше ни съ мѣста. При попыткахъ же болѣе солиднаго обоснованія получается неразбериха, подобная вавилонскому столпотворенію.

Были попытки экономическаго объясненія. „Могутъ сказать,—говоритъ проф. Мигулинъ,—что экономическое значеніе собственно Константинополя для Россіи, особенно въ ближайшее время, не особенно велико. Какъ столица Оттоманской имперіи, выжимавшая оттуда [изъ страны] всѣ соки, Константинополь представлялся доселѣ богатымъ торговымъ городомъ. Какъ портъ на берегу Босфора послѣ разрушенія Турецкой имперіи, какъ простой русскій городъ, Константинополь не можетъ не потерять своего прежняго значенія. Политически Константинополь въ рукахъ Россіи вызоветъ извѣстное недовольство противъ насъ со стороны Греціи (прежде всего), Болгаріи, Румыніи и отчасти Италіи. Но это все не возраженіе противъ занятія Россіей Царьграда: экономическія выгоды наши достигаются занятіемъ проливовъ“. — Итакъ, самостоятельнаго экономическаго значенія Константинополь не имѣетъ: жизненный экономическій интересъ заключается въ обладаніи проливами. Ясно, что рѣчь идетъ, слѣдовательно, не объ обычныхъ стремленіяхъ современнаго „высокаго“ имперіализма, не объ „открытіи“ или завоеваніи рынковъ, а объ обезпеченіи торговыхъ путей, выходовъ къ свободному морю. Вотъ гдѣ наша насущная потребность.

Однако, въ литературѣ уже встрѣчалось и то мнѣніе, что для свободы выхода въ Средиземное море совершенно не обязательно владѣніе проливами. Не только естественныя морскія сообщенія — Дарданеллы, Зундъ, Бельты, Гибралтаръ, — но и искусственныя сооруженія — Суэцъ, Панамскій каналъ — всегда открыты для свободнаго торговаго плаванія въ интересахъ международной торговли и для взаимныхъ выгодъ участвующихъ въ нихъ странъ. Въ мирное время эта свобода сообщенія никогда не нарушалась; слѣдовательно, и впредь путь черезъ Дарданеллы, столь важный для русской торговли, можетъ быть въ ея распоряженіи безо всякаго пріобрѣтенія проливовъ въ собственность, безъ всякихъ жертвъ, безъ „опасности столкновеній“ съ союзниками, безъ „извѣстнаго недовольства“ со стороны Греціи, Болгаріи, Румыніи, Италіи.

При такихъ условіяхъ изъ стремленія къ свободному морю еще совершенно не вытекаетъ необходимость завоеванія проливовъ. И естественно, что, наткнувшись на этотъ простой фактъ, имперіалистская мысль бросается въ другую сторону. Пріобрѣтеніе проливовъ необходимо для обезпеченія торговыхъ путей на случай войны. Но это называется — изъ огня въ полымя. Не ясно ли, въ самомъ дѣлѣ, что если въ мирное время пути гарантированы и при чужихъ, и при нейтральныхъ проливахъ, то въ военное время ихъ никакъ не можетъ гарантировать и полное обладаніе проливомъ: ибо, блокада проливовъ доступна самому микроскопическому врагу. Это признаетъ и проф. Мигулинъ: „Какую пользу, — пишетъ онъ, — даютъ проливы, если за ними находится Архипелагъ, гдѣ постановкой минъ загражденія и дюжиной миноносцевъ можно остановить выходъ изъ Дарданеллъ такъ же хорошо, какъ и въ самомъ Дарданелльскомъ проливѣ“. Поэтому проф. Мигулинъ, какъ мы уже видѣли, стоитъ за раздѣлъ Турціи и за присоединеніе къ Россіи Малой

Азіи и Александретты. У проф. Мигулина имѣется не мало единомышленниковъ. Но мы помнимъ, что писалъ на этотъ счетъ г. Милюковъ, который также далеко не одинокъ въ средѣ имперіалистовъ. Но только г. Милюковъ недостаточно послѣдователенъ, когда онъ считаетъ опаснымъ присоединеніе Малой Арменіи и настаиваетъ на присоединеніи проливовъ. Послѣдовательнѣе его генералъ А. Н. Куропаткинъ, который изъ аналогичныхъ соображеній дѣлаетъ тотъ выводъ, что Россіи „не только не выгодно присоединять къ себѣ Константинополь и Дарданеллы, но такое присоединеніе неизбѣжно ослабитъ ее и создастъ опасность долгой вооруженной борьбы за удержаніе этого опаснаго пріобрѣтенія". „Расширеніе" въ Азіи, какъ видимъ, считается ненужнымъ, непосильнымъ и опаснымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что одни проливы сами по себѣ торговаго пути совершенно не обезпечиваютъ, и ихъ завоеваніе экономическаго значенія не имѣетъ.

Обосновать присоединеніе проливовъ интересами отечественной торговли и промышленности дѣло совершенно безнадежное. И совсѣмъ не мудрено, что общественная мысль гораздо охотнѣе и чаще бросается въ третью сторону — „духовно"-политическую. И совсѣмъ не удивительно, что типичнѣйшій представитель „дѣловой" Россіи, идейный лидеръ финансово-бюрократическихъ круговъ, проф. Мигулинъ, ищетъ обоснованія и предлога въ далекой ему области—поэзіи: „Россія единодушна, — восклицаетъ онъ, — въ вопросѣ о Царьградѣ! Къ нему мы стремимся со временъ Святослава, изъ-за него пролили цѣлыя моря крови. О немъ мечтали отъ поколѣнія къ поколѣнію. Царьградъ сталъ символомъ русскаго величія,—выполненія нашей исторической миссіи! Это греза русскаго народа, это его поэтическая мечта. Отказаться отъ Царьграда Россія н е м о ж е т ъ". — Вотъ это другое дѣло. Когда передъ нами не финансистъ, а Тиртей, то споры

безполезны. Во всякомъ случаѣ, въ области поэзіи мы за проф. Мигулинымъ не послѣдуемъ. Да и, очевидно, я тутъ и не силенъ, ибо до сихъ поръ я ошибочно приписывалъ русскому народу, изъ поколѣнія въ поколѣнію, совсѣмъ другія грезы и мечты.

Бросается наша жадная общественная мысль и еще въ одну сторону — въ область чистой и узкой стратегіи. Вотъ почему необходимы Царьградъ и проливы: „это, — по словамъ проф. Мигулина, — позволило бы упразднить всѣ наши крѣпости на Черномъ морѣ и сократить на немъ военный флотъ“. Правильно: тогда всѣ крѣпости пришлось бы сооружать, въ чрезвычайно увеличенныхъ размѣрахъ на Босфорѣ, Дарданеллахъ, а, по проекту самого автора, и въ Малой Азіи. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, согласно сообщенію П. Н. Милюкова, „русская точка зрѣнія“ имѣла въ области стратегіи тотъ „общій смыслъ, что Черное море должно быть охраняемо отъ входа иностранныхъ военныхъ судовъ черезъ проливы, тогда какъ русскія военныя суда должны имѣть свободный выходъ“; эта точка зрѣнія была выработана и „неоднократно высказана“ еще въ расчетѣ на существованіе Турціи, съ которымъ она вполнѣ совмѣстима. Присоединеніе проливовъ тутъ совершенно не при чемъ. Въ-третьихъ, гдѣ же, наконецъ, источникъ этихъ усиленныхъ стратегическихъ заботъ? Съ кѣмъ же мы наконецъ такъ тщательно готовимъ войну, желая мира?—Присоединеніе Константинополя и проливовъ предполагаетъ раздѣлъ Турціи и, во всякомъ случаѣ, полную ликвидацію австро-турко-германской военной мощи. Ужъ если мы раньше никогда не встрѣчались въ Средиземномъ морѣ съ „германскимъ міромъ“, то, конечно, не встрѣтимся и впредь, послѣ войны и его разгрома. Съ Англіей же и Франціей у насъ будетъ союзъ. Очевидно, дѣло въ томъ „извѣстномъ недовольствѣ противъ насъ со стороны Греціи, Болгаріи, Румыніи и Италіи“,

о которомъ говорилъ проф. Мигулинъ. Итакъ: присоединеніе проливовъ нужно для защиты отъ этихъ государствъ, въ которыхъ вызоветъ недовольство присоединеніе проливовъ... Все ясно. Но вотъ опять немного путаетъ дѣло Евг. Трубецкой... „Неужели же— пишетъ онъ, — въ результатѣ той окончательной побѣды, на которую мы надѣемся, мы помиримся съ возможностью появленія у нашихъ черноморскихъ береговъ могущественной эскадры въ десятка два дредноутовъ?...“

Позвольте, но развѣ могутъ быть такія эскадры у балканскихъ государствъ? Вѣдь онѣ же могутъ быть только у нашихъ „союзниковъ“, и ни у кого больше... Вотъ она гдѣ—„настоящая смута“. Ничего тутъ не разберешь. Лучше оставимъ скорѣй, отъ грѣха, это дѣло.

* * *

Какъ бы то ни было, интересовъ капитала на Ближнемъ Востокѣ мы не обнаружили. Они такъ же ничтожны здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ русскаго имперіализма. И такъ же мало „ближне-восточную проблему“ можно притянуть къ объясненію русско-германской войны, какъ и наши „интересы“ въ Персіи, Средней Азіи и Китаѣ.—Но Ближнимъ Востокомъ, въ сущности, и кончаются сферы нашего имперіализма, за которыя теоретически мыслима борьба русскаго капитала съ германскимъ. Иныхъ внѣшнихъ сферъ столкновенія физически не существуетъ. Правда, кромѣ столкновенія двухъ имперіализмовъ, русскаго и германскаго, мыслимы еще внѣшніе интересы нашего капитала въ самой Германіи (или въ самой Австріи). Теоретически можно допустить, что экономическій интересъ Россіи въ настоящей войнѣ заключается въ установленіи внутри Германіи извѣстныхъ нормъ, выгодныхъ для нашихъ промышленниковъ.

Рѣчь идетъ, слѣдовательно, объ открытіи для насъ внутренняго германскаго промышленнаго рынка. Это, конечно, не менѣе желательно для нашего капитала, чѣмъ и монополизація, напр, китайскаго рынка. Однако, имѣетъ ли хоть тѣнь правдоподобія мысль о томъ, что въ возникновеніи русско-германской войны могла сыграть хоть какую-нибудь роль борьба „національныхъ капиталовъ“ за внутренній германскій рынокъ?

На этомъ нашъ нѣтъ нужды останавливаться. Отечественный промышленный капиталъ, вскормленный въ бюрократическихъ теплицахъ, при всѣхъ своихъ аппетитахъ, все же и не мечталъ о борьбѣ съ міровымъ гегемономъ въ его собственныхъ внутреннихъ покояхъ. Много у насъ пишется безразсудныхъ проектовъ, высказывается несбыточныхъ надеждъ, но объ укрѣпленіи на промышленномъ рынкѣ Германіи все же доселѣ не было слышно. Уши намъ прожужжали совсѣмъ другія рѣчи — о томъ, какъ бы избавиться отъ германскаго „засилья“, отъ нѣмецкихъ издѣлій на собственномъ нашемъ рынкѣ. Даже сами наши промышленники — ни въ обвинительныхъ актахъ противъ германской торговой политики, ни въ практическихъ своихъ планахъ и пожеланіяхъ — не могли придумать ничего сколько-нибудь существеннаго въ плоскости „открытія“ для насъ германскаго промышленнаго рынка. — Интересовъ, связанныхъ такъ или иначе съ войной и ея мыслимыми цѣлями, въ этой внѣшней области у нашего капитала еще меньше, чѣмъ въ перечисленныхъ выше.

Вообще же нашу экскурсію въ область внѣшнихъ интересовъ россійскаго промышленнаго капитала можно резюмировать такъ. При наличности огромнаго рынка внутри государства и необъятныхъ внутреннихъ колоній, поглощающихъ полумилліардный иностранный промышленный ввозъ, интересы нашего промышленнаго капитала на внѣшнихъ

рынкахъ въ настоящій періодъ русскаго капитализма настолько ничтожны, что защита ихъ вооруженной силой можетъ представлять нѣкоторыя выгоды лишь для отдѣльныхъ группъ предпріятій, но не представляетъ никакихъ выгодъ для всего національнаго капитала въ цѣломъ; въ настоящей же войнѣ съ Германіей совершенно не проявляется какой бы то ни было конфликтъ русско-германскихъ капиталистическихъ группъ; въ этой войнѣ нашъ національный капиталъ не завоевываетъ, не закрѣпляетъ и не защищаетъ никакихъ своихъ интересовъ во внѣшнихъ областяхъ, а наоборотъ, въ интересахъ войны и иныхъ ея цѣлей, поступается ими.

Теперь пойдемъ дальше.

* * *

Быть можетъ, какой-нибудь другой классъ отстаиваетъ свои внѣшніе экономическіе интересы въ войнѣ съ Германіей? Быть можетъ, гдѣ-нибудь въ чужихъ краяхъ или на внутреннемъ германскомъ рынкѣ столкнулись между собою интересы русскихъ и нѣмецкихъ аграріевъ, крестьянъ или рабочихъ?

Вывозя огромныя массы хлѣба и сырья, мы, дѣйствительно, заинтересованы въ благопріятныхъ конъюнктурахъ для сельскохозяйственнаго экспорта на внѣшнихъ рынкахъ. И интересы нашихъ земледѣльческихъ классовъ, помѣщиковъ и крестьянъ, дѣйствительно, могутъ сталкиваться съ германскими— какъ внутри Германіи, которая является одной изъ главныхъ нашихъ покупательницъ, такъ и въ нѣкоторыхъ пограничныхъ съ ней странахъ и областяхъ, гдѣ она конкурируетъ съ нашимъ хлѣбомъ. При этомъ германскіе аграріи, въ цѣляхъ монополизаціи своего рынка и облегченія конкуренціи на чужихъ, примѣняютъ нѣкоторыя искусственныя мѣры, которыя дѣйствительно могутъ быть устранены въ результатѣ побѣды

надъ Германіей: эти мѣры — огромныя таможенныя пошлины и вывозныя преміи. По скольку Россія заинтересована въ сельскохозяйственномъ экспортѣ, постольку въ настоящей войнѣ она дѣйствительно можетъ добиться нѣкоторыхъ болѣе выгодныхъ для себя нормъ на внѣшнихъ рынкахъ. И намъ, не меньше чѣмъ о Царьградѣ и проливахъ, твердятъ съ начала войны о тѣхъ національныхъ благахъ, какія пріобрѣтемъ мы, сокрушивъ германскій аграрный протекціонизмъ.

Такъ ли это? „Въ договорѣ 1904 г., — говорятъ намъ, — Россія понесла крупное пораженіе. Пораженіе это особенно чувствительно въ отношеніи нѣкоторыхъ сторонъ нашего сельскаго хозяйства: хотя повышеніе пошлинъ на пшеницу и не вызвало уменьшенія нашего экспорта этого хлѣба въ Германію, но, несомнѣнно, высокія пошлины оказали понижающее вліяніе на уровень нашихъ пшеничныхъ цѣнъ; повышенныя пошлины на рожь и овесъ, въ связи съ системой вывозныхъ свидѣтельствъ, вызвали значительное сокращеніе нашего вывоза этихъ хлѣбовъ, а также муки не только въ Германію, но и въ другія страны, бывшія раньше постоянными нашими рынками этихъ продуктовъ; пониженіе пошлинъ на ячмень, жмыхи и отруби при запрещеніи ввоза въ Германію скота и при затрудненномъ ввозѣ мяса вызвало оттокъ этихъ кормовыхъ средствъ въ Германію, усилило германское скотоводство и затруднило нашъ переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ хозяйства.“ — Вотъ сводка мнѣній заинтересованныхъ сельскохозяйственныхъ группъ о сущности ихъ конфликта съ германскими аграріями; согласно этимъ мнѣніямъ, „наши интересы“ въ настоящей войнѣ заключаются въ рѣзкомъ пониженіи или отмѣнѣ германскихъ аграрныхъ пошлинъ, а также системы вывозныхъ премій. — Насколько неосновательна и недобросовѣстна приведенная аргументація,

мы можемъ убѣдиться съ чрезвычайной легкостью. Вотъ цифры:

Цѣны въ %% къ среднимъ за 10-лѣтіе 1900—1909 гг.

	Рожь.		Овесъ.		Ячмень.		Пшеница.		Всѣ хлѣба.	
	Мѣстн.	Вывозн.	Мѣстн.	Вывозн.	Мѣстн.	Вывозн.	Мѣстн.	Вывозн.	Мѣстн.	Вывозн.
1901-1904	85	88	92	93	90	90	86	89	89	90
1905-1908	120	114	113	109	113	112	114	111	115	112
1909-1912	109	106	111	114	112	118	108	113	110	113

Послѣ повышенія германскихъ пошлинъ, ни мѣстныя, ни (еще менѣе и тѣмъ интереснѣе) экспортныя цѣны не только не упали, но чрезвычайно возросли. Огромная германская пошлина, которая немногимъ меньше французской, въ подавляющей своей части ложится на своего же внутренняго потребителя. Отъ аграрнаго протекціонизма стонутъ народныя массы Западной Европы, на русскаго же экспортера германская пошлина ложится въ размѣрѣ 2.5—5 копеекъ,—въ то время какъ мѣстныя цѣны на пшеницу выросли у насъ съ 1904 года на 15 — 25 копеекъ съ пуда. Это уже достаточно, чтобы видѣть, насколько безразличны въ дѣйствительности германскія пошлины для русскаго „сельскаго хозяйства“, для экспортеровъ, помѣщиковъ и крестьянъ. Лучшей конъюнктуры имъ желать нельзя.

Но приведенныя цифры объ огромномъ ростѣ хлѣбныхъ цѣнъ вскрываютъ передъ нами цѣнность всѣхъ прочихъ перечисленныхъ обвиненій, жалобъ и вожделѣній. Цифры эти свидѣтельствуютъ объ огромномъ ростѣ нашего внутренняго сельскохозяйственнаго рынка. Цѣны растутъ, несмотря на цѣлый рядъ хорошихъ урожаевъ послѣднихъ лѣтъ. Въ связи съ этимъ и находится относительное сокращеніе нашего сельскохозяйственнаго экспорта и вытѣсненіе русскаго хлѣба съ западныхъ потребительныхъ рынковъ. Германскія вывозныя свидѣтельства могутъ тутъ играть роль злополучнаго стрѣлочника, но никакъ не больше. Конкурировать съ нашимъ хлѣбомъ въ западныхъ странахъ

мы успѣшно могли до тѣхъ поръ, пока онъ былъ дешевъ и не былъ такъ нуженъ намъ самимъ. То обстоятельство, что экспортъ въ Германію русской пшеницы, согласно цитированному обвинительному акту, все же не сократился, надо приписывать исключительно благопріятнымъ урожаямъ и надо считать, во всякомъ случаѣ, временнымъ явленіемъ. Сокращеніе сельско-хозяйственнаго экспорта лежитъ въ самой природѣ капиталистическаго развитія страны.

Впрочемъ, мы видимъ, что жадность нашихъ аграріевъ и послушныхъ имъ экономистовъ совершенно не оставила мѣста сколько-нибудь членораздѣльной мысли: они жалуются не только на повышеніе, но и на пониженіе пошлинъ (на кормовыя средства), не только на сокращеніе экспорта, но и на „оттокъ“ сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ Германію. Ну, что жъ, пусть они, побѣдивъ Германію, „диктуютъ“ ей требованіе закрыть рынокъ для русскихъ продуктовъ... Что же касается затрудненій, чинимыхъ отсутствіемъ „кормовыхъ“ пошлинъ, для нашего перехода къ болѣе интенсивнымъ системамъ, то не въ серьезной бы прессѣ печатать эту юмористику. Вѣдь для интенсификаціи, помимо знаній и капитала, нуженъ не заграничный экспортъ самъ по себѣ, а только извѣстный уровень цѣнъ. А кому же неизвѣстно, что цѣны на продукты животноводства у насъ обогнали даже огромный ростъ хлѣбныхъ цѣнъ? Хлѣбомъ мы еще кое-какъ питались. Но мясо, масло, яйца, молоко? развѣ только во время войны они превратились въ предметы роскоши?

Нѣтъ, нашимъ сельскохозяйственнымъ классамъ, заинтересованнымъ въ высокихъ цѣнахъ, нѣтъ никакой нужды приводить къ покорности нѣмцевъ военной силой. Дѣло обстоитъ для нихъ сейчасъ вполнѣ благополучно, а въ будущемъ — совершенно независимо отъ условій германскаго рынка — сулитъ еще бо́льшія блага.

Но таковы интересы, или вѣрнѣе, таково отсутствіе „интересовъ въ войнѣ“ нашихъ аграріевъ и „продающихъ“ группъ крестьянъ. А каковы же вдѣсь позиціи другихъ классовъ? Какъ могутъ они оцѣнить задачу ликвидаціи германскихъ сельскохозяйственныхъ пошлинъ, если это обѣщаетъ (правда, само по себѣ, очень небольшое) поднятіе цѣнъ и новое вздорожаніе жизни?—Это невыгодно промышленникамъ, ибо грозитъ понизить реальную заработную плату и повысить денежную. Это находится въ полномъ противорѣчіи съ интересами всего рабочаго класса, ибо повышеніе денежной платы всегда отстаетъ отъ паденія реальной, а у насъ — въ особенности. Это невыгодно всему городскому населенію, всѣмъ потребителямъ, кромѣ самихъ продавцовъ, всей странѣ, кромѣ ничтожнаго меньшинства аграріевъ.

* * *

Итакъ—въ чужихъ краяхъ, на внѣшнихъ рынкахъ—ни въ „сферахъ вліянія“, ни въ самой Германіи, — ни одинъ классъ Россіи не имѣетъ, не завоевываетъ, не укрѣпляетъ и не защищаетъ никакихъ своихъ экономическихъ интересовъ въ вооруженной борьбѣ съ „германскимъ міромъ“. Разсмотримъ теперь, какія нормы *своей собственной* торговой политики отстаиваетъ Россія въ настоящей войнѣ. Какихъ экономическихъ распорядковъ у себя дома добиваются отдѣльные классы Россіи? Какихъ результатовъ они *хотятъ* здѣсь достигнуть, и что имъ здѣсь *можетъ дать* война и побѣда?

Мы начнемъ и здѣсь съ интересовъ нашего *промышленнаго капитала.* — Мы знаемъ боевой лозунгъ, всегда (до войны) встрѣчавшій у насъ достойную оцѣнку и отпоръ, но нашедшій нынѣ, въ военную эпоху, нежданную-негаданную поддержку во всей „передовой“

публицистикѣ и въ самыхъ широкихъ общественно-обывательскихъ кругахъ. Лозунгъ этотъ—„экономическая независимость Россіи“, или „свобода развитія отечественной промышленности“, или „освобожденіе отъ иноземнаго (нынѣ нѣмецкаго) засилья“. Мы знаемъ также, что подъ „независимостью нашего промышленнаго развитія“ понимается предоставленіе полной свободы нашему капиталу хозяйничать, какъ угодно, на нашемъ внутреннемъ рынкѣ — путемъ огражденія его отъ всякаго „вмѣшательства“ и конкуренціи иностранныхъ „гостей“. Это выражается „программными“ требованіями новыхъ повышеній таможенныхъ пошлинъ—до „идеальнаго“ предѣла запретительныхъ ставокъ при „автономномъ“ тарифѣ. И даже теперь, во время войны, когда ко всевозможнымъ обычнымъ голодамъ, создаваемымъ въ интересахъ отдѣльныхъ промышленныхъ группъ,—къ голодамъ угольному, нефтяному, чугунному присоединился рядъ новыхъ (химическій, бумажный и т. д.), даже и теперь со стороны отечественныхъ промышленниковъ не перестаютъ раздаваться голоса въ пользу повышенія ставокъ. Вотъ такую свободу и независимость индустріи, какую мы видимъ теперь, и стремится установить нашъ промышленный капиталъ послѣ войны.

Однако, крайній протекціонизмъ нашей буржуазіи требуетъ существенныхъ ограниченій и оговорокъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь иноземные засильники поставляютъ не только фабрикаты для непосредственнаго потребленія, но и всякаго рода предметы для нуждъ промышленнаго производства. Потребителями этихъ предметовъ является также промышленная буржуазія; и она заинтересована, во-первыхъ, въ ихъ свободномъ ввозѣ, а во-вторыхъ, въ возможно *болѣе дешевомъ ввозѣ:* ибо это сокращаетъ издержки производства. Поэтому, крайній протекціонизмъ есть основная, но не единственная нота нашего промышленнаго капитала. „Когда

выступаютъ центральныя промышленныя организаціи, говорящія отъ имени всего отечественнаго капитала,— читаемъ мы въ одномъ вліятельномъ буржуазномъ органѣ,—онѣ, конечно, высоко держатъ знамя протекціонизма, славословятъ его и требуютъ всемѣрнаго усиленія. Но какъ только заговорятъ представители отдѣльныхъ промышленныхъ отраслей, картина моментально мѣняется. Вмѣсто идиллической гармоніи получается полная какофонія. Машиностроители горько жалуются на дороговизну желѣза, угля и прочихъ сырыхъ матеріаловъ и требуютъ безпошлиннаго или льготнаго ввоза изъ-за границы. А производители угля, желѣза и т. п., въ свою очередь, сѣтуютъ на дороговизну необходимыхъ машинъ и требуютъ также пониженія пошлинъ. Подобныя жалобы выдвигаются буквально всѣми отраслями промышленности, и дня не проходитъ, чтобы какая-нибудь изъ нихъ не возбудила ходатайства о пониженіи пошлинъ"...

При такихъ условіяхъ протекціонизмъ можно считать только общимъ принципомъ политики нашей промышленной буржуазіи; но ни въ какомъ случаѣ нельзя утверждать, что въ изоляціи русскаго рынка заключается реальный интересъ этого класса, взятаго въ цѣломъ. Лозунгъ національной экономической независимости и свободы отъ иноземнаго „засилья", правда, восприняли нынѣ всѣ буржуазные круги, вся обывательская масса, но на дѣлѣ въ немъ воплощаются лишь вожделѣнія *нѣкоторыхъ группъ* нашей буржуазіи, конечно, выдающихъ свои аппетиты за „жизненный интересъ" не только всего класса, но и всего народнаго хозяйства.

Выясняя тѣ интересы, какіе имѣетъ въ міровой войнѣ наша родина и отдѣльные ея классы, мы должны отличать слово отъ дѣла, алчные выкрики отдѣльныхъ группъ отъ дѣйствительныхъ интересовъ. И въ данномъ случаѣ, мы должны подойти поближе къ фактамъ;

должны посмотрѣть, какимъ группамъ буржуазіи дѣйствительно не даетъ житья иноземное „засилье“, и для какихъ группъ это „засилье“ желательно и необходимо, и каково примѣрно соотношеніе этихъ группъ. — Такъ какъ мы разсуждаемъ примѣнительно къ цѣлямъ и причинамъ русско-германской войны, то мы и сосредоточимъ вниманіе на роли и размѣрахъ *нѣмецкаго* „засилья“. Тогда мы увидимъ, что принесла бы нашему торгово-промышленному классу полная изоляція нашего рынка, съ одной стороны, и его полное открытіе для германскаго ввоза—съ другой.

Познакомимся съ главнѣйшимъ источникомъ нѣмецкаго „засилья“ — съ германскимъ промышленнымъ ввозомъ. Немногія цифры откроютъ предъ нами довольно полную картину нашей „зависимости“ отъ Германіи. Взглянемъ сначала на общіе итоги иноземнаго засилья, на размѣры заграничнаго привоза и на роль въ немъ Германіи. Вотъ цифры за пятилѣтіе 1906—1910 гг.:

Привозъ въ тыс. рублей.

	Всего.	Изъ Германіи.	% германскаго привоза.
1906 г.	800.690	298.472	37.3
1907 г.	847.365	337.367	39.8
1908 г.	912 659	348.126	38.4
1909 г.	906.336	363.263	40.1
1910 г.	1.084.446	449.794	40.8

Весь нашъ заграничный импортъ, какъ видимъ, составляетъ внушительную сумму; но все же нашъ огромный рынокъ не поглощаетъ даже того количества иностранныхъ товаровъ, какое ввозитъ Англія изъ одной только Германіи У насъ же германскій ввозъ создаетъ только двѣ пятыхъ всего иноземнаго „засилья“. Правда, это не такъ мало, чтобы нашъ промышленный капиталъ, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ группъ и услужливыхъ экономистовъ, не взывалъ къ освобожденію отъ нѣмецкаго рабства. Но это и не такъ много, чтобы

германскій ввозъ могъ покрывать собой всю проблему объ иноземномъ засильѣ. Конечно, можно повторить за досужими людьми, что прекращеніе нѣмецкаго импорта можетъ на соотвѣтствующую сумму увеличить наше національное производство. И можно повѣрить П. П. Маслову, что цѣль германскаго капитала — открывъ нашъ рынокъ, „уничтожить“ нашу промышленность. Но если мы занимаемся не поисками агитаціоннаго матеріала, а выясненіемъ дѣйствительныхъ интересовъ нашего капитала, дѣйствительныхъ условій развитія нашей индустріи, то намъ необходимо посмотрѣть, каковъ — хотя бы въ грубыхъ чертахъ — *составъ* германскаго ввоза.

Всѣ предметы импорта разбиты нашей статистикой на 10 группъ; о соотношеніи этихъ группъ въ общей суммѣ привоза и, въ частности, въ германскомъ импортѣ даютъ понятіе слѣдующія цифры (1909 года):

	Привозъ въ милл. рублей.			
	Всего.	Изъ Германіи.	% привоза изъ Германіи ко всему привозу.	% къ общей суммѣ привоза изъ Германіи.
Руды, металлы и металлич. издѣлія . .	189,3	113,9	60,3	32,3
Прядильн. матер. и издѣл. изъ нихъ . .	247,0	85,5	38,5	23,8
Животн. продукты и издѣл. изъ нихъ .	78,0	41,3	62,5	11,6
Жизненные припасы и животныя . .	190,8	34,6	18,1	9,3
Продукты химич. производства . . .	44,7	26,2	58,9	7,3
Топливо, асфальтъ, смолы	66,8	21,8	33,3	6,2
Лѣсной товаръ, деревян. издѣлія . . .	32,8	12,7	35,7	3,4
Керамич. матеріалы и издѣлія	16,0	9,5	60,3	2,6
Писчебум. тов. и произв. печати . . .	27,3	8,1	27,1	2,3
Предм. одежды, галант., письм. принадл.	13,7	3,9	25,0	1,2
Всего	906,3	363,3	40,1	100,0

Въ общей суммѣ нашего привоза рѣзко выдѣляются, какъ видимъ, три группы товаровъ. Это, во-первыхъ, прядильные матеріалы и издѣлія изъ нихъ. Однако, изъ Германіи ихъ идетъ къ намъ меньше двухъ

пятыхъ. Главное же—больше половины этихъ товаровъ составляютъ хлопокъ-сырецъ и некрашеная шерсть (на 141 милл.); слѣдовательно, Германія тутъ является лишь мѣстомъ *транзита*, а ея собственное засилье здѣсь выражается не больше, какъ процентами 15-ю. Между тѣмъ, среди всего экспорта изъ Германіи въ Россію, товары этой группы составляютъ почти цѣлую четверть. Во-вторыхъ, важнѣйшую категорію нашего заграничнаго ввоза составляютъ жизненные припасы: здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ чай (40 милл.), затѣмъ сельдь, кофе, апельсины, лимоны и шипучія вина; все это также въ огромномъ количествѣ идетъ къ намъ *черезъ* Германію и составляетъ 9,3% „германскаго“ ввоза; но понятно, что нѣмецкая промышленность тутъ совершенно не при чемъ. — Третья важнѣйшая категорія—руды, металлы и металлическія издѣлія, напротивъ, на 60% поставляются именно Германіей; эта группа товаровъ составляетъ цѣлую треть всего германскаго вывоза въ Россію; нѣмецкаго „засилья“ во всякомъ случаѣ надо искать по преимуществу здѣсь. Но изъ чего именно состоитъ эта категорія германскаго ввоза? Бо́льшую часть ея составляютъ, конечно, всякаго рода машины, ихъ части, аппараты, инструменты, приборы, предназначаемые для дальнѣйшаго производства; изъ предметовъ же непосредственнаго потребленія здѣсь наибольшее значеніе имѣетъ жестяная и эмалированная посуда (4 милл), музыкальные инструменты (5,2 м.) и автомобили (1,8 м.). — Затѣмъ, замѣтную роль въ германскомъ привозѣ къ намъ играетъ кожа и химическіе продукты. Остальныя категоріи нѣмецкаго импорта въ Россію занимаютъ уже совсѣмъ скромное мѣсто и относительно, и абсолютно.

Какъ же при безпристрастномъ взглядѣ долженъ оцѣнить нашъ промышленный капиталъ значеніе германскаго ввоза въ Россію при данномъ, вышеописанномъ его характерѣ и составѣ? Вредитъ ли онъ

развитію нашей индустріи, задерживаетъ ли ея ростъ или способствуетъ ему? А слѣдовательно,—желательно ли этотъ ввозъ продолжить, облегчить, усилить, удешевить? Или его желательно пресѣчь, затруднить? Рѣзкое пониженіе нашихъ пошлинъ или совершенное „открытіе“ нашего рынка Германіи—должно ли уничтожить нашу промышленность въ ея цѣломъ, или должно дать толчокъ для ея развитія и процвѣтанія? Какъ надо смотрѣть на все это съ точки зрѣнія нашего національнаго капитала и промышленнаго класса, какъ такового?

Окончательно уяснить себѣ это намъ поможетъ сравнительный учетъ импортируемыхъ нѣмецкихъ товаровъ, предназначаемыхъ для непосредственнаго потребленія и для нуждъ промышленности. Такой учетъ былъ произведенъ г. Мукосѣевымъ. Всѣ предметы нашего импорта изъ Германіи разбиты имъ на три категоріи: средства производства, товары промежуточнаго типа [1]) и предметы непосредственнаго потребленія. Количественное отношеніе этихъ группъ таково (точно такъ же за 1909 г.):

	Цѣнность въ милл. руб.	% къ итогу.
1) Средства производства	222,2	62,3
2) Товары промежуточнаго типа . .	89.6	24,9
3) Предметы потребленія	46,6	12,8
Итого	358,4	100,0

Изъ 46,6 милл. ввоза предметовъ *непосредственнаго потребленія* не меньше 30 милл. составляютъ жизненные припасы, созданные не промышленностью и ни въ какой мѣрѣ не опасные для нашего индустріальнаго капитала. Если мы примемъ, что половина товаровъ

[1]) Къ таковымъ относятся многіе животные продукты и издѣлія изъ нихъ, лѣсной товаръ деревянныя и корзинныя издѣлія, керамическіе продукты и т. под. Эта категорія иногда служитъ средствами производства, иногда же предметами потребленія.

промежуточнаго типа идетъ также непосредственному потребителю, то мы получимъ безусловно „нежелательнаго“ нашему капиталу нѣмецкаго ввоза на 60—65 милл. руб.; это составитъ не больше одной пятой всего германскаго ввоза. Продукты этого рода, нужные только потребителю, отечественный промышленный капиталъ, какъ таковой, безусловно желаетъ съ нашего рынка устранить, ввозъ ихъ затруднить, цѣны ихъ повысить.— Напротивъ, четыре пятыхъ современнаго германскаго ввоза *ему* необходимы, и этотъ ввозъ желательно облегчить, свой рынокъ для нихъ открыть и цѣны на нихъ понизить.

Потому-то до войны никто и не спорилъ, что нашъ современный протекціонизмъ уже давно перешелъ всѣ границы „покровительства“, что уже давно онъ сталъ путами для самой промышленности и тормазомъ производительныхъ силъ страны. Теперь, изъ „патріотическихъ“ соображеній, это мнѣніе отмѣнено. Раньше было для всѣхъ очевидно, что наша промышленность безъ иноземнаго ввоза существовать не можетъ, а рѣзкое удешевленіе ввозимыхъ средствъ производства можетъ только развязать ей руки и дать рѣзкій толчокъ ея развитію. Теперь, вслѣдъ за кучкой „объединенныхъ“ тузовъ, передовые публицисты и экономисты, либералы и демократы рисуютъ страшныя перспективы, сулятъ „уничтоженіе“ нашей промышленности въ результатѣ „открытія“ нашего рынка.

Но мы уже видѣли, насколько самому германскому капиталу выгодно уничтоженіе русской промышленности для хотя бы сколько-нибудь замѣтной ея части. Вѣдь это значило бы „уничтожить“ 75% собственнаго сбыта въ Россію; импортируя къ намъ на три четверти средства производства, германская промышленность заинтересована въ поддержкѣ, а не въ ослабленіи нашей индустріи. И если бы, въ случаѣ побѣды, намъ былъ *продиктованъ* ею торговый договоръ, то „открытіе“

рынка и пониженіе пошлинъ во всякомъ случаѣ было-бы произведено съ такимъ расчетомъ, чтобы не потрясти покупающаго хозяйственнаго организма и не подорвать собственнаго рынка. Ибо промышленники, импортирующіе въ Россію уголь, заинтересованы въ процвѣтаніи всей промышленности, питаемой имъ; ввозящіе чугунъ и сталь заинтересованы въ развитіи русскаго машино-строенія; ввозящіе машины—въ развитіи угольной, хлопчатобумажной и т. д. промышленности.

Но этого мало. Допустимъ, всѣ пошлины будутъ сметены. Означаетъ ли это обязательный подрывъ нашего производства? Уже давнымъ давно установленъ и до войны никѣмъ не оспаривался тотъ фактъ, что протекціонизмъ представляетъ изъ себя систему, съ тѣсно связанными между собою частями, взаимно обусловливающими другъ друга. Всѣмъ было извѣстно, что одна пошлина необходимо влечетъ за собой другую. А слѣдовательно, и отмѣна одной дѣлаетъ абсолютно безболѣзненной отмѣну другой—безъ малѣйшихъ отрицательныхъ результатовъ для всей отрасли промышленности. Возьмемъ хотя бы производство хлопчатобумажныхъ тканей; эти продукты нужны только потребителямъ, и съ точки зрѣнія капитала ихъ было бы наиболѣе законно изолировать отъ иноземнаго засилья; право мануфактурныхъ королей вопить о запретительномъ тарифѣ не будетъ оспаривать ни одна промышленная группа. И дѣйствительно, отмѣна пошлинъ на мануфактуру сильно подорвала бы эту отрасль отечественнаго производства: издержки производства сравнительно съ германскими у насъ слишкомъ велики. Но уничтожьте также пошлины на хлопокъ, машины и топливо. Условія хлопчатобумажнаго производства тогда, вѣроятно, даже улучшатся сравнительно съ настоящими; а кромѣ того, рынокъ для нихъ, благодаря ихъ рѣзкому удешевленію, сильно расширится.

Все сказанное отнюдь не имѣетъ цѣлью подорвать самый принципъ протекціонизма. Во многихъ случаяхъ, при иномъ характерѣ товарнаго обмѣна государствъ, картина иноземнаго засилья не имѣетъ ничего общаго съ выше описанной. И въ такихъ случаяхъ, изолированіе собственнаго рынка можетъ считаться вполнѣ раціональной программой промышленнаго капитала. У насъ же подобная тенденція — „о двухъ концахъ"; и нашему промышленному классу было бы выгоднѣе скорѣе „открыть" свой рынокъ, чѣмъ еще болѣе загородить его отъ иностраннаго ввоза. Вѣдь война и измѣненіе тарифа сами по себѣ не могутъ измѣнить народно-хозяйственнаго строенія государствъ, не могутъ ввести ихъ въ новыя фазы экономическаго развитія; и самый характеръ нашего заграничнаго товарнаго обмѣна послѣ войны, какъ бы она ни кончилась, конечно, останется прежнимъ. А слѣдовательно никакъ нельзя сказать, чтобы наша промышленная буржуазія, въ настоящій періодъ нашего капиталистическаго развитія, имѣла какой-либо матеріальный интересъ въ вооруженной защитѣ отъ германскаго капитала нашего внутренняго рынка. Эти интересы могутъ такъ же мало послужить къ объясненію русско-германской войны, какъ и наши имперіалистскіе интересы въ чужихъ краяхъ.

* * *

Но допустимъ, что все сказанное совершенно невѣрно. Повѣримъ досужимъ людямъ и кучкѣ „объединенныхъ" магнатовъ, что наша цѣль въ войнѣ — дѣйствительно отстоять „независимость" отечественной индустріи, т.-е. предоставить весь нашъ внутренній рынокъ произволу сотни промышленныхъ королей. Повѣримъ имъ и сбитымъ съ толку экономистамъ, что „интересъ Россіи" въ міровой войнѣ дѣйствительно заключается въ обезпеченіи этимъ королямъ нераздѣльнаго

господства надъ обывателемъ и всѣмъ народнымъ хозяйствомъ. Спрашивается, *осуществима ли* подобная цѣль? Можетъ ли имѣть подобные результаты война при самомъ благопріятномъ ея исходѣ? Мы должны вспомнить о тѣхъ общихъ международныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы боремся съ Германіей. Намъ уже извѣстно, какое мѣсто въ міровомъ конфликтѣ занимаютъ его остальные главнѣйшіе участники, Англія и Франція, и какіе интересы онѣ преслѣдуютъ въ настоящей войнѣ. Мы знаемъ, что наша родина является не только субъектомъ, но и объектомъ международнаго спора. Русскій рынокъ всегда былъ однимъ изъ наиболѣе лакомыхъ кусковъ для всѣхъ странъ „высокаго капитализма“; и настоящая вооруженная борьба между этими странами есть въ огромной степени борьба *за русскій рынокъ*, за „овладѣніе“ имъ, за „вліяніе“ на немъ.

Промышленный капиталъ Англіи и Франціи нынѣ лихорадочно готовится къ тому, чтобы занять мѣсто Германіи на всѣхъ ея внѣшнихъ рынкахъ и въ томъ числѣ въ Россіи. Съ самаго начала войны объ этомъ не перестаетъ говорить вся союзная пресса. Война, однако, не создала такого настроенія, а скорѣе была создана имъ. Война только развязала языки и обнаружила истинныя стремленія западно-европейской буржуазіи. Спеціальныя мѣры къ укрѣпленію союзниковъ на русскихъ рынкахъ стали разрабатываться съ первыхъ же мѣсяцевъ войны. Сначала всѣ эти планы были густо окутаны *политическимъ* флеромъ, проводились въ плоскости борьбы съ „германизмомъ“. Затѣмъ, чисто экономическая ихъ сущность стала обнаруживаться уже безо всякихъ прикрасъ. И въ настоящее время мы ежедневно слышимъ уже ничѣмъ не прикрытыя заявленія о „неограниченныхъ возможностяхъ“ англо-французскаго капитала въ Россіи. Смыслъ этихъ заявленій совершенно ясенъ.

Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ подлинномъ видѣ.—При встрѣчѣ (текущаго) Новаго года въ англійской колоніи Петрограда, британскій посолъ, Д. Бьюкененъ, произнесъ извѣстную рѣчь, въ которой между прочимъ говорилъ такъ: „Обѣ наши страны борются за свое существованіе и за великіе принципы правды и справедливости; и тѣ жертвы, которыя мы принесли, являлись фундаментомъ прочнаго союза. Однако, вершина зданія должна быть еще закончена, и для того, чтобы это зданіе могло противостоять всѣмъ бурямъ въ будущемъ, оно должно быть сооружено изъ крѣпкаго камня общихъ интересовъ. Въ нашъ матеріальный вѣкъ тѣсныя торговыя сношенія являются однимъ изъ господствующихъ факторовъ въ области международной политики. И въ интересахъ обоихъ государствъ, какъ Россіи, такъ и Великобританіи, соорудить барьеръ противъ мирнаго проникновенія Германіи и противъ захватовъ ею торговли. Русская имперія являетъ собой огромный рынокъ для сбыта всѣхъ видовъ англійскихъ товаровъ. Я не желалъ бы ни одной минуты дать поводъ думать, что я хочу сказать, чтобы Великобританія эксплуатировала въ коммерческомъ отношеніи Россію такъ, какъ это дѣлала Германія въ прошломъ; но я желаю сказать, что англо-русскія коммерческія отношенія должны быть координированы въ смыслѣ, выгодномъ для обѣихъ сторонъ. Я не настаиваю на необходимости отвоеванія нами русскаго рынка отъ германцевъ исключительно въ интересахъ коммерческихъ, но потому, что я желаю продлить и упрочить англо-русскій союзъ“...

Положеніе оратора обязывало его къ самымъ изысканнымъ „эвфемизмамъ“, но тѣмъ не менѣе смыслъ его рѣчи кристалльно ясенъ. Другіе, въ другомъ положеніи, выражаются прямѣе и конкретнѣе. Англійское министерство торговли выпустило обширный „Меморандумъ о ввозной торговлѣ въ Россію“, намѣчающій

уже официальнo планъ дѣйствій для овладѣнія русскимъ рынкомъ; основная мысль документа заключается въ томъ, что „настоящее время особенно благопріятствуетъ попыткамъ великобританскихъ промышленниковъ занять мѣсто Германіи въ импортной торговлѣ Россіи; послѣ войны, можетъ быть, будетъ слишкомъ поздно“. Меморандумъ предусматриваетъ цѣлый рядъ нашихъ внутреннихъ экономическихъ реформъ въ интересахъ англійскаго ввоза: усовершенствованіе дѣлопроизводства въ нашихъ коммерческихъ судахъ, реформу закона о гербовомъ сборѣ, почтовыхъ правилъ, таможеннаго устава; главное же — необходимо пониженіе таможенныхъ ставокъ, такъ какъ „таможенный тарифъ является одной изъ главныхъ причинъ сравнительно незначительнаго англійскаго экспорта въ Россію“. Въ такихъ чертахъ рисовалась наша будущая экономическая независимость официальной Англіи уже много мѣсяцевъ назадъ.

Въ настоящее время вопросъ зашелъ гораздо дальше по пути теоретической разработки и практическаго осуществленія. И въ общей, и въ спеціальной печати читатели теперь чуть не ежедневно встрѣчаютъ сообщенія и статьи о будущемъ „таможенномъ объединеніи“ союзниковъ. Планъ будущаго экономическаго союза разрабатывается въ спѣшномъ порядкѣ. Смыслъ его, помимо изоляціи побѣжденной Германіи, совершенно ясенъ и можетъ быть только одинъ: „открытіе“ русскаго рынка „высокому“ промышленному капитализму западныхъ странъ. Осуществленію всѣхъ этихъ плановъ союзники придаютъ значеніе чрезвычайное.

Какъ же смотритъ на всѣ эти планы, какъ оцѣниваетъ эти перспективы нашъ русскій промышленный капиталъ?—Долгое время наше „общественное мнѣніе“ не отдавало себѣ никакого отчета въ дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, — подобно тому, какъ оно не вникало

въ истинный смыслъ и происхожденіе всей міровой катастрофы. Но затѣмъ тайное для него стало явнымъ. И когда дѣло дошло до прямыхъ предложеній (объединиться), русская буржуазная печать естественно забила тревогу. „Отождествленіе таможеннаго союза съ политическимъ,—читаемъ мы въ „Промышленности и Торговлѣ“—требующее коренной ломки торгово-политическихъ системъ Россіи и Англіи, представляется намъ нежелательнымъ въ интересахъ Россіи и фактически неосуществимымъ. Мы полагаемъ, что парижская конференція дастъ толчокъ къ возможно большему экономическому сближенію державъ антигерманской коалиціи и найдетъ для этого общія мѣры; но представители Россіи дѣйствовали бы вопреки нашимъ экономическимъ интересамъ, если, одушевившись чисто политическими задачами, высказались бы въ пользу таможеннаго союза“.

Тревога пошла по всей прессѣ, представляющей отечественный капиталъ. „Идея экономическаго сближенія,—пишутъ „Русскія Вѣдомости“,—между странами согласія пріобрѣтаетъ все новыя, подчасъ неожиданныя формы... Совершенной утопіей представляется проектъ таможеннаго союза между странами такой рѣзко различной экономической структуры, какъ Англія, Франція и Россія. Для Россіи подчиниться въ области внѣшней торговли точкѣ зрѣнія и интересамъ высокоразвитыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ, значитъ принести въ жертву свои существенные интересы. Да и принципіально нельзя согласиться на то, чтобы во имя коммерческой борьбы съ промышленнымъ экспортомъ Германіи, которая можетъ принести пользу только нашимъ союзникамъ, Россія подчинила себя контролю послѣднихъ. Въ конференціяхъ по вопросамъ торговой и таможенной политики голосъ Россіи, отличный отъ голоса союзниковъ въ силу особенностей хозяйственнаго быта, всегда будетъ подавленъ

единодушіемъ голосовъ прочихъ союзниковъ, и въ результатѣ отъ всей этой политической комбинаціи пострадаютъ только интересы Россіи".

Пробовалъ утѣшать нашихъ промышленниковъ въ „Русскомъ Словѣ" г. Гольдштейнъ, — называя вещи своими именами. „Опасаются,—писалъ онъ,—какъ бы нѣмецкое засилье не превратилось въ засилье британское или засилье союзниковъ. Насколько неосновательны такого рода опасенія, видно изъ того факта, что тогда какъ русскій ввозъ изъ Германіи или черезъ Германію достигалъ за послѣдніе годы почти половины цѣнности всего ввоза въ Россію, ввозъ изъ Англіи едва превосходилъ 13%, т.-е. былъ въ 4 раза меньше". Но все это очень легко и справедливо парируется „Промышленностью и Торговлей": вѣдь 13% Англія ввозила при огромныхъ ставкахъ нашего тарифа и при германской конкуренціи; дѣло совершенно измѣнится и Британія дѣйствительно займетъ мѣсто Германіи въ условіяхъ таможеннаго союза. „Въ то время какъ Англія, эта классическая страна фритредерства, готовится къ введенію покровительственнаго таможеннаго тарифа (по отношенію къ Германіи), г. Гольдштейнъ, сторонникъ таможеннаго союза, повидимому, находитъ, что Россія созрѣла для свободной торговли". Ибо что́ же, въ самомъ дѣлѣ, означаетъ таможенный союзъ, какъ не свободу союзнаго ввоза въ Россію? „То, что Россія будетъ ограждена таможеннымъ барьеромъ отъ странъ, не входящихъ въ союзъ, утѣшеніе не изъ большихъ: это, правда, можетъ предохранить Россію отъ наводненія ея товарами изъ этихъ странъ; но съ тѣмъ большимъ успѣхомъ Россія будетъ наводняться изъ странъ, объединенныхъ въ союзъ, а для промышленнаго развитія страны совершенно безразлично, каково происхожденіе *иностранныхъ* товаровъ".

Въ результатѣ всего этого мы слышимъ голоса, что „мы должны *вмѣстѣ бить* нѣмцевъ въ великой

войнѣ, *врозь идти* по своимъ собственнымъ, независимымъ путямъ торговой политики". А нашъ официальный авторитетъ и, въ частности, предсѣдатель русской группы междупарламентской торговой конференціи, В. И. Тимирязевъ, высказалъ не такъ давно слѣдующее мнѣніе, глубоко справедливое по существу, но идущее совершенно вразрѣзъ съ основными тенденціями современности: „Не путемъ таможенныхъ заставъ слѣдуетъ бороться съ нашими врагами; бороться нужно... путемъ примѣненія нашими союзниками, у которыхъ промышленность развита болѣе, чѣмъ у насъ, тѣхъ же средствъ, благодаря которымъ Германія мирнымъ путемъ завоевала рынки. Долговременное же пребываніе на положеніи таможенной войны не укрѣпляло бы атмосферу мира, а наоборотъ вынуждало бы всѣ государства снова усиленно готовиться къ войнѣ".

* * *

Спрашивается — правильно ли оцѣниваютъ положеніе дѣлъ представители отечественнаго капитала?— Безусловно правильно въ той части, которая касается проектовъ изоляціи Германіи, лишенія насъ права заключать самостоятельно торговые договоры и свободно выбирать для себя иностранные рынки. Въ самомъ дѣлѣ, прекращеніе торговыхъ сношеній съ Германіей совершенно немыслимо для насъ, хотя бы потому, что наше сельское хозяйство лишилось бы тѣмъ самымъ колоссальнаго внѣшняго рынка! Пусть нашъ сельскохозяйственный экспортъ не нуждается въ созданіи болѣе выгодныхъ для него условій, чѣмъ были до войны; пусть намъ выгодна даже нѣкоторая задержка хлѣбнаго вывоза съ точки зрѣнія потребительскихъ массъ. Но радикальная мѣра пресѣченія, о которой говорятъ въ союзной прессѣ, все же совершенно непріемлема. Вѣдь ни Франція, ни Англія ни въ какой

мѣрѣ не смогутъ замѣнить Германію ни для сельскаго хозяйства, ни для *платежнаго баланса* Россіи; ибо въ „таможенный союзъ“, конечно, должны войти и колоніи—поставщики сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Да и вообще насильственный внезапный разрывъ съ нашимъ главнымъ заграничнымъ контрагентомъ сулитъ нашему народному хозяйству чрезвычайныя затрудненія. Въ этой части критика союзныхъ „объединительныхъ“ плановъ совершенно правильна.

Гораздо менѣе правъ нашъ промышленный капиталъ, даже со своей точки зрѣнія, когда онъ кричитъ о своей гибели въ результатѣ открытія русскаго рынка союзникамъ. Объ англо-французскомъ „засильѣ“ надо сказать въ общемъ то же, что было выше сказано о германскомъ. Однако, здѣсь необходимы оговорки. Во-первыхъ, въ принципѣ — одно дѣло свобода выбора заграничнаго продукта при равныхъ условіяхъ конкуренціи, а другое дѣло — искусственная монополія на русскомъ рынкѣ опредѣленныхъ странъ и необходимость обязательнаго пользованія ихъ продуктами. Во-вторыхъ, на дѣлѣ, какъ говорилъ на недавнемъ сельскохозяйственномъ съѣздѣ помощникъ управляющаго отдѣломъ торговли, г. Бородавскій, „произведенія фабрично-заводской промышленности Германіи врядъ ли могутъ быть замѣнены произведеніями Англіи и Франціи, болѣе дорогими и менѣе приспособленными къ нашимъ требованіямъ“. При такихъ условіяхъ, международное экономическое положеніе Россіи существенно измѣняется къ худшему—въ результатѣ той системы, которую предполагается установить послѣ войны и разгрома Германіи. Во всякомъ случаѣ ясно: нашъ промышленный капиталъ, при такихъ условіяхъ, рѣшительно ничего не выигрываетъ отъ грядущихъ перемѣнъ въ международныхъ экономическихъ отношеніяхъ. Если не будетъ Германіи, то ея мѣсто не будетъ пусто.

Итакъ, мы можемъ сдѣлать выводъ изъ всего предыдущаго, каковы же интересы нашего торгово-промышленнаго класса въ настоящей русско-германской войнѣ. Мы видѣли, что вопреки вѣчнымъ и неизбѣжнымъ жалобамъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ группъ на иноземное засилье, нашъ національный промышленный капиталъ, взятый въ цѣломъ, нельзя считать заинтересованнымъ въ усиленномъ протекціонизмѣ; въ частности, благодаря рѣшительному преобладанію средствъ производства въ общей суммѣ германскаго ввоза въ Россію, наша промышленная буржуазія заинтересована скорѣе въ развитіи и облегченіи импорта изъ Германіи, а не въ затрудненіи его, не въ „закрытіи“ нашего внутренняго рынка; германскій же капиталъ несравненно больше заинтересованъ въ ростѣ и процвѣтаніи покупающей у него русской промышленности, чѣмъ въ ея ослабленіи и уничтоженіи. Но если бы, въ результатѣ войны, нашъ рынокъ былъ совершенно изолированъ отъ германскаго ввоза, этимъ ни въ какой мѣрѣ не могло бы быть достигнуто то положеніе, которое называется у насъ „независимостью экономическаго развитія“ и „свободой отъ иноземнаго засилья“; съ одной стороны, безъ огромнаго заграничнаго импорта безусловно не можетъ существовать наша промышленность въ настоящій періодъ ея развитія, съ другой стороны, союзныя намъ страны имѣютъ первостепенный интересъ въ томъ, чтобы занять на русскомъ рынкѣ мѣсто Германіи и имѣютъ въ своемъ распоряженіи средства достигнуть этого. А, слѣдовательно, русскій промышленный капиталъ, на своемъ внутреннемъ рынкѣ, не можетъ считаться матеріально заинтересованнымъ въ исходѣ войны. Нашъ торгово-промышленный классъ, какъ таковой, слишкомъ мало можетъ потерять и выиграть въ зависимости отъ военно-политическихъ результатовъ происходящей борьбы. И матеріальные интересы нашей буржуазіи мы никакъ не можемъ

привлечь къ объясненію сущности русско-германскаго конфликта и его происхожденія.

* *
*

Надо ли намъ долго останавливаться на выясненіи интересовъ *другихъ классовъ?...* Какія нормы нашей внутренней экономической политики защищаютъ въ войнѣ съ Германіей наши аграріи, крестьяне, рабочіе?

Ясно, что наше сельское хозяйство не только не нуждается въ защитѣ отъ иностранной конкуренціи, но въ высшей степени заинтересовано въ „открытіи" нашего рынка для заграничнаго ввоза. Въ томъ же 1909 году, мы купили за границей однѣхъ только сельскохозяйственныхъ машинъ и ихъ частей почти на 32 милл. руб.; изъ этой суммы 53% было привезено изъ Германіи. Въ этихъ продуктахъ наше отсталое земледѣліе нуждается чрезвычайно, и ввозъ ихъ растетъ въ огромной прогрессіи. Кромѣ того, наши сельскіе хозяева покупаютъ за границей, главнымъ образомъ въ Германіи, не меньше, какъ на 5 милл. руб. разнаго рода удобрительныхъ туковъ. Понятно, что дешевизна всѣхъ этихъ сельскохозяйственныхъ средствъ производства крайне желательна для нашихъ помѣщиковъ и крестьянъ, какъ производителей; затрудненіе же доступа этихъ товаровъ въ Россію такъ же невыгодно имъ, какъ и иностраннымъ экспортерамъ. Никакого противорѣчія экономическихъ интересовъ между Россіей и Германіей здѣсь нѣтъ.

Что касается интересовъ *рабочихъ*, то здѣсь было бы неумѣстно ставить во всемъ объемѣ вопросъ объ отношеніи ихъ къ протекціонизму и свободѣ торговли. Но во всякомъ случаѣ невозможно оспаривать, что пролетаріатъ, какъ *производящій* классъ, вообще неизмѣримо меньше заинтересованъ въ „покровительствѣ"

индустріи, чѣмъ классъ предпринимателей. Слѣдовательно, не можетъ быть никакой рѣчи о какихъ-либо его *матеріальныхъ* выгодахъ, хотя бы и при самомъ благопріятномъ исходѣ войны.

Но рабочій классъ имѣетъ свои опредѣленные интересы, какъ *потребитель*. Эти интересы имѣетъ и крестьянство, и вся демократія, и всѣ другіе классы нашего населенія. Въ чемъ заключаются интересы потребительныхъ массъ Россіи, также совершенно ясно и не подлежитъ спору: они заключаются въ удешевленіи всѣхъ продуктовъ вообще, и при томъ рѣзкомъ подъемѣ цѣнъ, который наблюдается въ послѣдніе годы — въ частности. Борьба съ дороговизной есть лозунгъ *всеобщій, законный* и вполнѣ *реальный*. И онъ требуетъ также свободы ввоза,—то-есть измѣненія нашей таможенной системы—въ сторону, не противорѣчащую ни интересамъ заграничныхъ контрагентовъ, ни интересамъ нашего народнаго хозяйства, взятаго въ цѣломъ.

* * *

Итакъ, ни одинъ классъ населенія Россіи, ни все наше народное хозяйство въ цѣломъ—не преслѣдуетъ въ борьбѣ съ Германіей никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Война тутъ ничего не можетъ дать. Въ области матеріальныхъ интересовъ война несетъ намъ однѣ жертвы, но не выгоды. И совершенно невозможно объяснить самое происхожденіе русско-германской войны столкновеніемъ чьихъ-либо матеріальныхъ интересовъ въ Германіи и Россіи. Въ міровой войнѣ, какъ мы знаемъ, рѣшается споръ между западными странами „высокаго капитализма“; и въ эту войну нашу родину, очевидно, втянули иныя силы, не экономическаго порядка. — Что же это за силы? Почему же мы воюемъ и выносимъ на себѣ главную тяжесть борьбы? Объ этомъ мы теперь и поговоримъ.

III.

Россія и ея союзники.

Война рѣшаетъ экономическій конфликтъ между западными странами высокаго капитализма. Національный капиталъ Англіи и Франціи, съ оружіемъ въ рукахъ, защищается отъ бурнаго экономическаго роста, отъ „мирнаго“ имперіализма Германіи. Неизбѣжность современной борьбы сознавалась заинтересованными и имущими власть англо-французскими кругами уже десятилѣтія назадъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ была очевидна и невозможность сокрушить могучаго врага собственными, хотя бы и соединенными силами.

Мы знаемъ, что еще въ 1852 году въ Англіи была образована парламентская комиссія для выясненія размѣровъ и причинъ нѣмецкаго экономическаго засилья; комиссія эта пришла къ неутѣшительнымъ для національной промышленности результатамъ, и, быть можетъ, положила начало всей будущей политической оріентаціи „коварнаго Альбіона“. — Но гораздо острѣе вопросъ стоялъ во Франціи. Еще всемірная выставка 1867 года показала французскимъ промышленникамъ, что второе мѣсто на міровомъ рынкѣ послѣ Англіи принадлежитъ, пожалуй, не имъ, а молодой германской индустріи. Несчастная война 1871 г. уже не оставила сомнѣній въ томъ, что французская промышленная гегемонія навсегда останется несбыточной мечтой. Послѣ пятимилліардной контрибуціи французскому имперіализму было не до жиру—быть бы живу. Приходилось спѣшно искать экономическихъ „компенсацій“ по всѣмъ линіямъ меньшаго сопротивленія. И Франціи суждено было явиться главнымъ застрѣльщикомъ въ колоніальной горячкѣ того времени.

Однако, колоніальная политика не дала желаемыхъ плодовъ французскому капиталу. Напротивъ, она

терпѣла одну неудачу за другой. Ничего не далъ Франціи захватъ Туниса, отъ котораго больше выиграли итальянцы. Не могла имѣть замѣтныхъ результатовъ и экспедиція на Мадагаскаръ. Большія надежды основательно возлагались на Дальній Востокъ; но „тонкинская экспедиція“ кончилась ужъ совсѣмъ плохо; перейдя во франко-китайскую войну, она увѣнчалась знаменательнымъ отступленіемъ передъ китайскими войсками и стоила 322 милл. франковъ съ десятью тысячами человѣческихъ жизней въ придачу. Изъ колоніальной политики ничего не выходило. Надо было изыскивать иныя „возможности“ для національнаго капитала.

Но франко-прусская война имѣла чрезвычайные результаты и еще въ одной области, не менѣе важной. Послѣ потери Эльзаса и Лотарингіи *стратегическое* положеніе Франціи стало въ нѣсколько разъ хуже сравнительно съ восточной сосѣдкой. Обороноспособность страны была рѣзко подорвана. А это уже грозило Франціи судьбой, если не Испаніи, то Бельгіи, и ставило крестъ на ея активной великодержавной политикѣ. Не въ такомъ духѣ воспитала исторія французскую буржуазію.

Выходъ изъ положенія былъ мыслимъ только одинъ: созданіе новаго „европейскаго равновѣсія“ или, попросту, заключеніе выгоднаго союза. Мудрено ли, что немедленно по выясненіи колоніальныхъ неудачъ взоры французскихъ руководящихъ круговъ устремились на востокъ, къ могучему полуазіатскому царству, бѣдному производительными силами, но богатому людьми. Получить ихъ въ свое распоряженіе, обезпечить себѣ мощную военную поддержку въ тылу Германіи — поистинѣ стало жизненной необходимостью французской буржуазіи. Это давало Франціи не только оборонительныя силы, но и стратегическій перевѣсъ и уравнило ея шансы въ міровой политикѣ.

Но этого мало: союзъ съ Россіей давалъ Франціи и колоссальный рынокъ; здѣсь могъ быть взятъ реваншъ за всѣ колоніальныя неудачи; здѣсь могъ разсчитывать получить полное удовлетвореніе французскій капиталъ въ его крайне незавидномъ положеніи. — Союзъ съ могучей *военной* державой Франціи надо было пріобрѣсти во что бы то ни стало. Такого же союзника, какъ Россія, стоило добиваться любой цѣной. И, дѣйствительно, во Франціи его добивались, не жалѣя и не разбирая средствъ. Въ этомъ отношеніи крайне характерна исторія франко-русскаго союза. Буржуазно-демократическая республика дѣлала гораздо болѣе, чѣмъ было возможно для нея, какъ таковой, чтобы привлечь къ себѣ самодержавную монархію, которой въ этомъ союзѣ не было никакой крайности.

Но у Франціи была крайность. И она дѣлала все, чтобы заслужить свидѣтельство благонадежности. Когда въ 1887 году образовался радикальный кабинетъ во главѣ съ Флоке, русскій посолъ, баронъ Моренгеймъ, вспомнилъ объ одномъ неумѣстномъ возгласѣ Флоке, при посѣщеніи Парижа русскимъ императоромъ много лѣтъ назадъ; въ результатѣ французскій министръ-президентъ долженъ былъ уступить свое мѣсто другому. А въ 1889 году по тѣмъ же причинамъ Флоке не достался портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Труднѣе было французскому правительству справляться съ другими требованіями своего новаго друга, менѣе поддающимися закулисной обработкѣ и болѣе зависимыми отъ общественнаго мнѣнія: это — выдача и амнистія политическихъ преступниковъ.

Здѣсь дѣла Березовскаго и Кропоткина едва не оказались роковыми для союза. Но въ 1890 году французское правительство съ избыткомъ искупило эти свои ошибки: съ большимъ искусствомъ и съ планомѣрнымъ разсчетомъ оно дало созрѣть заговору русскихъ

нигилистовъ въ Парижѣ, а затѣмъ организовало ихъ громкій процессъ. Этимъ исполнялось обѣщаніе Гамбетты—сдѣлать все, что потребуетъ русское правительство, въ интересахъ его борьбы съ революціонерами.

Однако, совершенно ясно, что это энергичное содѣйствіе республики въ борьбѣ съ русскимъ демократическимъ движеніемъ ни въ какомъ случаѣ нельзя разсматривать только какъ услугу русскому правительству, какъ средство снискать его расположеніе. Французскій капиталъ и самъ былъ кровно заинтересованъ въ этой борьбѣ. Всѣ его планы были бы неосуществимы, если бы русское движеніе имѣло сколько-нибудь рѣшительный успѣхъ. Судьба союза была неразрывно связана съ судьбой нашего стараго порядка! И Франціи приходилось поддерживать его не за страхъ, а за совѣсть.

И все-таки ни собственная политическая благонадежность Франціи, ни все ея „политическое“ содѣйствіе не могли бы сами по себѣ изъ „добраго согласія“ создать союзъ, такъ необходимый Франціи и сравнительно безразличный Россіи. Для союза было необходимо создать между странами *золотой мостъ*. Для французскаго капитала это имѣло и огромное самостоятельное значеніе въ виду вышеизложенныхъ обстоятельствъ. Но, конечно, въ данномъ случаѣ и звѣрь бѣжалъ на ловца: намъ были нужны деньги. На нашемъ прежнемъ фондовомъ рынкѣ, въ Германіи, дѣло обстояло неважно. Нѣмецкіе капиталы были заняты: во-первыхъ, бурно росла своя индустрія, во-вторыхъ „колоніальныя“ бумаги здѣсь казались болѣе привлекательными. И, наконецъ, политическое „охлажденіе“ создало атмосферу бойкота русскихъ цѣнностей нѣмецкими банкирами.

Понятно, что вся совокупность описанныхъ обстоятельствъ толкала на мысль о перенесеніи рынка русскихъ фондовъ во Францію. И уже въ 1888 году,

послѣ долгихъ переговоровъ и тщательныхъ приготовленій, произошло событіе, предопредѣлившее всю будущую внѣшнюю исторію нашей родины до настоящихъ дней: былъ заключенъ на французскомъ рынкѣ первый русскій заемъ. Съ этихъ поръ французскій капиталъ уже былъ связанъ съ судьбой нашего режима, а дѣло французской національной обороны уже было подѣлено между Франціей и Россіей.

Послѣ перваго займа въ полмилліарда франковъ, наши займы во Франціи слѣдовали одинъ за другимъ. Въ 1889 г. заключаются два займа — въ 700 и въ 1200 милл. франковъ; въ 1890 г. — три займа въ 300, 360 и 41 милл. фр., въ 1891 г. — 320 и 500 милл. фр. И въ августѣ этого года русско-французскія отношенія были уже документально закрѣплены и формулированы въ томъ смыслѣ, что каждая изъ договаривающихся сторонъ обязывалась всѣми средствами помогать другой въ случаѣ нападенія на нее какой-либо третьей державы. Въ соотвѣтствіи съ этимъ было предусмотрѣно и назначеніе деньгамъ (конечно, части ихъ), которыя намъ ссужались и за которыя мы благодарили процентами французскихъ банкировъ: французскія фабрики, около того же времени, получили заказъ на изготовленіе ружей для русской арміи.

Вообще, всѣ эти займы поступали главнымъ образомъ въ распоряженіе государства, но не народнаго хозяйства, и лишь въ очень малой степени оплодотворяли нашу промышленность. Французскій капиталъ поддерживалъ то, въ чемъ онъ нуждался: нашъ политическій и государственный аппаратъ. И онъ получалъ свое: при закрѣпленіи соглашенія въ августѣ 1891 года былъ поставленъ вопросъ о военной конвенціи, — а ровно черезъ годъ эта конвенція была уже подписана начальниками штабовъ русской и французской армій, генералами Обручевымъ и Буадеффромъ. И, наконецъ, весной 1894 года былъ подписанъ

окончательный актъ оборонительнаго союза Россіи и Франціи, одновременно въ Петербургѣ и Парижѣ, министрами иностранныхъ дѣлъ Гирсомъ и Казимиромъ Перье.—Французскому капиталу были обезпечены и рынокъ, и національная оборона.

Какое значеніе пріобрѣли для Франціи русскіе займы и какое значеніе для нашихъ фондовъ пріобрѣла Франція уже къ началу XX столѣтія, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ (относящихся къ 1902 г.).

Было вложено французскаго капитала:

Россія	9—10	милліардовъ фр.
Египетъ и Суэцъ	3—4	„ „
Румынія и Греція	3—4	„ „
Испанія и Португалія . . .	3,5	„ „
Аргент., Бразилія и Мексика	2,5—3	„ „
Тунисъ и франц. колоніи . .	2—3	„ „
Австро-Венгрія	2	„ „
Японія и Китай	1	„ „
Канада и Соед. Штаты . . .	0,5—1	„ „
Англія, Германія, Швейцарія Бельгія и Голландія — по	0,5	„ „

Комментаріи къ этимъ цифрамъ излишни. При каждомъ русскомъ займѣ французскіе банки, а также и французская пресса, дѣлали отличныя дѣла. И французское общественное мнѣніе отдавало себѣ полный отчетъ въ томъ, какой смыслъ имѣютъ русскіе займы помимо непосредственныхъ выгодъ для держателей бумагъ; оно прекрасно сознавало, какіе проценты по нимъ обезпечила „дипломатія“ помимо купоновъ.

„Состоятельная Франція,—писалъ въ 1913 г. генералъ Шерфисъ въ „Echo de Paris“,—выплатила своему русскому другу до сихъ поръ 17 милліардовъ франковъ и готова дать еще $2^1/_2$ милліарда ежегодными взносами въ 500-600 милліоновъ. За эти услуги Россія обязалась, въ случаѣ войны, поддержать своими военными силами союзницу и кромѣ того употребить

извѣстную часть данныхъ ей денегъ на улучшеніе своей государственной обороны и прежде всего мобилизаціи". Настолько прочно укоренилась и такъ глубоко проникла во французское „самосознаніе" идея распоряженія русской военной силой, что даже одинъ изъ лидеровъ французскаго соціализма предъявилъ однажды запросъ военному министру въ палатѣ: „какимъ образомъ министерство могло допустить, чтобы Россія, въ угрозу европейскому миру, ослабила на два корпуса войска, стянутыя къ германской границѣ".

На русскій военно-политическій аппаратъ во Франціи уже смотрѣли, какъ на свое законное достояніе. И надо было видѣть ту тревогу, то благородное негодованіе, какое возбуждали тамъ сколько-нибудь самостоятельные дипломатическіе шаги Россіи, особенно сношенія съ Германіей. Стоитъ вспомнить, какой шумъ поднялся во французской прессѣ, въ парламентѣ, въ салонахъ послѣ потсдамскихъ переговоровъ 1911 года. Была ли предупреждена о нихъ Франція? О чемъ говорилось? Чего смотрѣло правительство и г. Пишонъ?

Не меньше тревоги возбудило и свиданіе въ Балтійскомъ порту, состоявшееся лѣтомъ слѣдующаго (1912) года. Около этого времени Государственная Дума одобрила такъ называемую „малую судостроительную программу", и судьба ея не мало безпокоила — въ противоположныхъ смыслахъ — высокія сферы Германіи и Франціи. Могло ли свиданіе въ шхерахъ не превратиться въ собственную противоположность? Немедленно вслѣдъ за Вильгельмомъ II въ Петербургъ прибылъ французскій министръ-президентъ Пуанкаре, одинъ изъ крайнихъ представителей французской великодержавности. И пріѣхалъ онъ не съ пустыми руками: онъ привезъ „необходимое дополненіе" франко-русскаго союза и военной конвенціи 1892 года, — морскую конвенцію 1912 г. Значеніе этой послѣдней было

хорошо и правильно оцѣнено обѣими сторонами „европейскаго концерта“. Въ германскихъ „сферахъ“ даже не возникало вопроса, какое употребленіе будетъ сдѣлано изъ этихъ морскихъ силъ: тамъ не сомнѣвались, что оружіе точится именно противъ нихъ. Напротивъ, французская печать обсуждала конвенцію съ полнымъ удовлетвореніемъ. Согласно телеграфному сообщенію въ петербургской прессѣ, „на парижской биржѣ извѣстіе о конвенціи упрочиваетъ положеніе Франціи и увеличиваетъ шансы европейскаго мира. Тѣмъ не менѣе повышенія французской ренты и русскихъ фондовъ не замѣчалось...“ Послѣднее обстоятельство, конечно, очень странно: вѣдь сказано же, что шансы европейскаго мира увеличились.

Помимо морской конвенціи, послѣдовавшей за визитомъ германскаго императора и довершившей дѣло франко-русскаго военнаго объединенія, въ тѣ же дни въ парижской печати появилось сообщеніе еще объ одномъ соглашеніи между Россіей и Франціей. Согласно этому соглашенію „Россія обязывалась по всѣмъ вопросамъ европейской политики, предварительно какихъ-либо переговоровъ съ Германіей, освѣдомлять объ этомъ Францію“.

*

Сказаннаго выше, пожалуй, достаточно для того, чтобы понять, чѣмъ обусловливалось участіе Россіи въ современной войнѣ, какія силы ее втянули въ европейскій конфликтъ при отсутствіи для нея въ этомъ конфликтѣ всякихъ матеріальныхъ интересовъ. Если воюетъ Франція, то не можетъ бокъ-о-бокъ съ ней не воевать и Россія.—Однако, современную войну мы разсматривали выше, какъ *англо-германскій конфликтъ по преимуществу*. Въ ликвидаціи германской экономической и военной мощи заинтересована прежде всего и больше всего Англія. И намъ нельзя оставить

въ тѣни ея роль въ созданіи данной группировки державъ при неизбѣжномъ ея столкновеніи съ Германіей.

Исторія англійской внѣшней политики за послѣднія десятилѣтія сложилась иначе, чѣмъ во Франціи. Все складывалось такъ, что борьба съ Германіей, сулившая Англіи наилучшіе плоды, требовала отъ нея наименьшихъ жертвъ. Англія, не въ примѣръ Франціи, далеко не была въ крайности. Передъ лицомъ назрѣвавшей германской опасности она могла сохранять полную свободу дѣйствій и выбирала себѣ союзниковъ не по нуждѣ, а по выгодѣ. „Владычица морей", она съ традиціоннымъ искусствомъ пользовалась антагонизмами на континентѣ и тщательно избѣгала связывать себѣ руки. Главное заинтересованное лицо, она даже въ современной борьбѣ народовъ имѣла шансы ликвидировать германскій натискъ безъ своего непосредственнаго участія. И даже когда зарево уже охватило весь континентъ, вопросъ о „вмѣшательствѣ Англіи" еще обсуждался и не казался рѣшеннымъ.

Франція, вооружая Россію, никогда не питала надеждъ остаться въ сторонѣ отъ непосредственной борьбы. Событія показали, что безъ англійскаго флота также воевать невозможно: Германію было необходимо превратить въ „осажденную крѣпость". Но самый процессъ созданія настоящей группировки державъ, необходимой обстановки борьбы, стоилъ Англіи неизмѣримо меньше, чѣмъ Франціи. Собственно—ничего не стоилъ.

Въ 1870-хъ годахъ, когда Франція, подорванная экономически и стратегически, принуждена была искать союзника, подобнаго Россіи, — Англія была экономическимъ гегемономъ міра. Стратегически же она, какъ и на протяженіи всей своей исторіи, опиралась на свою физическую недосягаемость, на свое островное положеніе и свой могучій флотъ. „Германское засилье" тогда было уже осознано; но при данномъ положеніи Англіи, у нея еще долго не было нужды покидать свою

традиціонную позицію „блестящаго одиночества“. Да и какъ было ее покинуть? Враждебенъ былъ „германскій міръ“,—но развѣ прочіе владыки континента могли быть друзьями?

Франція была исконнымъ врагомъ—и въ прошлые вѣка, и въ новѣйшее время; съ нею британскому капиталу приходилось вести непрерывную и упорную борьбу—и въ Европѣ, и въ Америкѣ, и въ Индо-Китаѣ, и за африканскія колоніи; французскій капиталъ былъ традиціоннымъ и сильнымъ соперникомъ. Правда, были и эпохи „сердечнаго сближенія“ (при Людовикѣ-Филиппѣ) и даже „кровью спаянныя“ совмѣстныя дѣйствія противъ общихъ враговъ (противъ Россіи въ 53—56 гг.). Но это были лишь эпизоды. Англо-французскій антагонизмъ былъ до послѣдняго времени настолько силенъ, что въ моментъ заключенія франко-русскаго союза 1888) Англія даже склонялась къ дружбѣ съ Германіей. А уже въ 1898 году между Англіей и Франціей, изъ-за африканскихъ дѣлъ, чуть было даже не вспыхнула война (фашодскій инцидентъ).

Немногимъ лучше были и отношенін съ Россіей. Если у насъ, вплоть до послѣднихъ лѣтъ, былъ традиціонный врагъ въ Европѣ, то это была Англія. Мы знаемъ, что русскій и англійскій капиталъ сталкиваются повсюду—въ Турціи, въ Персіи, въ Средней Азіи. Правиломъ англійской политики была всегда поддержка враговъ русскаго имперіализма и рѣшительное противодѣйствіе всѣмъ его шагамъ. Въ 1885 году движеніе русскихъ въ Среднюю Азію („походъ въ Индію“) едва не кончилось совсѣмъ плохо. Англійскаго сближенія съ Россіей, какъ и съ Франціей, было ожидать невозможно, пока для Англіи не возникло въ этомъ настоятельной нужды. — Такое время, однако, наступило. Съ „гордымъ одиночествомъ“ пришлось разстаться. И передъ лицомъ новаго сильнѣйшаго врага пришлось смѣнить къ старымъ гнѣвъ на милость.

Дѣло въ томъ, что Англія, въ области „національной обороны“ всегда придерживалась такъ называемой „двухдержавной политики“ (Two-Power-Standard). Сущность ея состоитъ въ томъ, что при опредѣленіи необходимаго минимума своихъ морскихъ силъ Англія руководствовалась размѣрами флотовъ двухъ наиболѣе могущественныхъ морскихъ державъ; ея собственный флотъ долженъ былъ равняться суммѣ этихъ флотовъ съ набавкой еще 10% на могущія быть случайности. Если бы, при такихъ условіяхъ, Англія въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ противникомъ, уничтожая его флотъ, израсходовала равновеликую часть своихъ собственныхъ морскихъ силъ, то она все же осталась бы самой сильной морской державой и сохраняла бы полную независимость.

Въ такомъ положеніи находилась Англія до сравнительно недавняго времени. Но,—по словамъ одного изъ самыхъ авторитетныхъ нашихъ военныхъ офиціозовъ, — „положеніе Англіи стало шаткимъ со вступленіемъ одного изъ членовъ тройственнаго союза, Австро-Венгріи, въ ряды морскихъ державъ“... „Собственныя средства Англіи оказались недостаточными, и она начинаетъ выходить изъ состоянія того блестящаго одиночества, которымъ она такъ гордилась. Въ 1904 году она протягиваетъ руку своему вѣковому врагу, Франціи, и заключаетъ наступательно-оборонительный союзъ съ Японіей. Наконецъ, въ 1907 году Англія рѣшается на соглашеніе съ Россіей“...

Соглашеніе это касалось главнымъ образомъ персидскихъ дѣлъ. „Англія, — продолжаетъ тотъ же военный авторитетъ, — нашъ традиціонный врагъ, теперь дошла до необыкновенной предупредительности для привлеченія Россіи на свою сторону“. Однако, надо сказать, что въ англо-русскомъ соглашеніи 1907 года Англія ровно ничѣмъ не поступилась въ пользу Россіи. Напротивъ, русской дипломатіи пришлось уступить

персидскую „нейтральную зону“ Англіи, а, кромѣ того, совершенно оставить въ покоѣ Тибетъ и его Далай-ламу. Предупредительность Англіи выразилась гораздо больше въ любезныхъ визитахъ и обворожительномъ обращеніи. Стоитъ вспомнить, помимо офиціальныхъ свиданій, сколько энтузіазма въ нашемъ обществѣ сумѣла вызвать англійская парламентская делегація, посѣтившая Россію въ началѣ 1912 года, за нѣсколько дней до французскихъ гостей!

Но въ распоряженіи Англіи были и иныя средства. Послушаемъ дальше цитированный офиціозъ. Англія и Германія, говоритъ онъ (въ 1911 году), неизбѣжно должны были столкнуться на полѣ брани въ результатѣ своей яростной экономической конкуренціи. „Но все же, дѣйствуя изолированно, эти государства фактически не могутъ достигнуть полнаго разрѣшенія своей борьбы, такъ какъ Англіи для этого нужны союзники съ сильной арміей, а Германіи — союзники съ сильнымъ флотомъ. Таковы для Англія Франція и Россія. Англія заинтересована въ привлеченіи хотя бы силой нужныхъ ей союзниковъ и въ удержаніи Америки отъ союза съ Германіей. Германіи необходимы морскіе союзники и нейтралитетъ Россіи. Но въ рукахъ Англіи теперь находится могучее оружіе для обезпеченія нейтралитета Америки и насильственнаго привлеченія Россіи къ союзу съ собой. Этимъ оружіемъ является угроза Америкѣ и Россіи Японіей, которой Англія за эту услугу обезпечиваетъ міровое положеніе“.

Не менѣе, а еще болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для привлеченія Россіи, съ ея огромной сухопутной арміей, было для Англіи соглашеніе съ Франціей. Франція являлась рѣшительнымъ и безусловнымъ врагомъ Германіи, и здѣсь англійскому капиталу былъ обезпеченъ вѣрный союзникъ. Но Франція была уже связана съ Россіей. И протягивая ей руку въ 1904 году, Англія тѣмъ самымъ пріобрѣтала союзъ Россіи

и, конечно, разсчитывала на это. Она не только могла пожать плоды, посѣянные другими, но, въ послѣдніе годы, именно Англія въ значительной степени регулировала развитіе франко-русскихъ отношеній. За многими дипломатическими шагами Франціи надо искать тѣнь Англіи, и только тогда они окажутся понятными и „исторически-необходимыми“. Такъ, мы упоминали выше о франко-русской морской конвенціи 1912 года, довершившей дѣло тройственнаго объединенія.

Содержаніе этой конвенціи сводилось къ удержанію въ случаѣ войны русскимъ флотомъ значительной части германскаго въ Балтійскомъ морѣ, съ цѣлью помѣшать ему выступить противъ англійскаго флота въ Сѣверномъ морѣ; Германія этимъ самымъ будетъ вынуждена держать значительную часть войскъ на восточной границѣ и тѣмъ ослабить западную. Въ русской печати эти пункты конвенціи вызвали недоумѣніе. „Уговоръ о Балтикѣ,—писала тогда „Рѣчь“, — повидимому, скорѣе долженъ былъ бы составить предметъ русско-англійской, а не русско-французской конвенціи; значительной задержки для германскаго флота русскій флотъ, во всякомъ случаѣ, представить не можетъ; непонятна и неизбѣжность обращенія германскихъ войскъ непремѣнно на востокъ, а не на западъ“.

Послѣдній пунктъ теперь вполнѣ ясенъ. Но рѣшительно никакой загадки не представитъ и первый, если вспомнить, что франко-русская морская конвенція была заключена какъ разъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ знаменитыхъ преній въ англійскомъ парламентѣ о дополнительныхъ ассигновкахъ на флотъ. Выступленіе Черчилла тогда вызвало цѣлую бурю, чуть ли не панику: морское „равновѣсіе“ оказалось нарушеннымъ. „По свѣдѣніямъ адмиралтейства, — говорилъ Черчиллъ, — одна изъ средиземныхъ державъ предполагаетъ значительное усиленіе морской программы.

Если это свѣдѣніе окажется вѣрнымъ, то этимъ создастся новый фактъ, на который придется немедленно реагировать".

Новый фактъ дѣйствительно создавался лихорадочной маринизаціей *Италіи*, которая тогда же рѣшила довести свой флотъ до размѣровъ французскаго. Одного соглашенія съ Франціей, при такихъ условіяхъ, было явно недостаточно. И Англія „немедленно реагировала" — франко-русской конвенціей. Стоя и дѣйствуя за спиной Франціи, она стремилась возможно болѣе связать и обязать страны двойственнаго союза и остаться возможно болѣе свободной при будущей борьбѣ съ Германіей. Насколько сильно было ея давленіе, видно и изъ того, что той же конвенціей, связавшей русскій флотъ въ Балтійскомъ морѣ, была дана ему свобода въ Средиземномъ; между тѣмъ Франція, даже находясь уже въ союзѣ съ Россіей (напр., въ ноябрѣ 1911 года), всегда противилась открытію для русскихъ Дарданеллъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Такимъ путемъ, безъ всякихъ жертвъ, Англія пріобрѣла себѣ необходимаго союзника въ лицѣ нашей родины, на которую легла главная тяжесть и наибольшія жертвы борьбы за союзные интересы. Послѣднія слова были сказаны и послѣднія точки были поставлены уже за нѣсколько дней до катастрофы; во время посѣщенія „Петербурга", доживавшаго послѣдніе дни, англійской эскадрой и французскимъ президентомъ

Тогда германское правительство немедленно начало войну.

* * *

Все сказанное имѣло цѣлью освѣтить тѣ факторы, которые опредѣлили участіе Россіи въ войнѣ съ Германіей — независимо отъ того, можетъ ли намъ дать побѣда какія-либо матеріальныя выгоды. Но все сказанное еще далеко не даетъ картины полной

подготовки къ войнѣ. Исторія „вооруженнаго мира“, конечно, лежитъ за предѣлами нашей темы, съ которой мы уже покончили. Но все же необходимо отмѣтить, что современныя ходячія представленія, ставшія трафаретными фразы о неподготовленности нашихъ союзниковъ къ войнѣ не имѣютъ подъ собой рѣшительно никакихъ фактическихъ основаній.

Было бы глубокой ошибкой предполагать, что наши союзники, надѣясь на Россію и способствуя росту ея обороноспособности, удѣляли недостаточно силъ дѣлу національной обороны у себя дома. Чьи бы интересы ни защищались въ этой войнѣ, съ какой бы стороны ни исходила ея иниціатива — безразлично, но при несомнѣнныхъ огромныхъ вооруженіяхъ Германіи, о которыхъ столько говорятъ и пишутъ, союзники не могли не прилагать всѣхъ усилій къ подготовкѣ соотвѣтствующихъ военныхъ рессурсовъ.

Вотъ, напр., офиціальныя данныя — изъ доклада министра финансовъ за 1902 и 1908 гг.

Расходовалось въ милліонахъ рублей:

	Въ 1892 году.			Въ 1902 году.			Въ 1906 году.		
	Армія.	Флотъ.	Всего.	Армія.	Флотъ.	Всего.	Армія.	Флотъ.	Всего.
Россія	245	48	293	323	98	421	417	112	529
Франція	254	95	349	268	115	383	270	122	392
Франко-русскій союзъ	*499*	*143*	*642*	*591*	*213*	*804*	*687*	*234*	*921*
Германія	202	21	223	263	40	303	354	124	478
Австро-Венгрія	124	9	133	156	19	175	113	9	122
Италія	87	35	122	99	44	143	104	52	156
Тройственный союзъ	*413*	*65*	*478*	*518*	*103*	*621*	*571*	*185*	*756*

Въ эпоху возникновенія франко-русскаго союза во главѣ европейскаго милитаризма стояла, какъ видимъ, Франція. По затратамъ на армію, а особенно на флотъ, она далеко превосходила и Германію, и Россію. Въ началѣ XX вѣка Франція уступила

первенство своей союзницѣ, все еще имѣя сильный перевѣсъ надъ враждебной сосѣдкой. Въ послѣдніе годы „вооруженнаго міра“ Германія уже далеко обогнала Францію. Но вооруженіе Россіи оставляло прежнимъ соотношеніе вооруженныхъ силъ. Двойственный союзъ (еще безъ Англіи) подготавливался къ національной оборонѣ гораздо лучше.

Абсолютные размѣры затратъ на военное дѣло говорятъ объ его фактическомъ состояніи, но не даютъ представленія о *жертвахъ*, приносимыхъ націей дѣлу своей защиты. Быть можетъ, въ общей системѣ государственныхъ функцій и заботъ даже наилучшая постановка дѣла обороны требовала относительно меньше вниманія, энергіи и жертвъ со стороны государствъ. Объ этомъ могутъ дать понятіе слѣдующія цифры.

	Чистый расходный бюджетъ (въ милл. руб.):		Процентъ къ нему расходовъ: на оборону	
	1901 г.	1906 г.	1901 г.	1906 г.
Россія	1166	1434	39	37
Франція	1284	1339	30	29
Франко-русскій союзъ	*2450*	*2773*	*34*	*33*
Германія	2061	2341	22	20
Австро-Венгрія	511	564	23	21
Италія	642	707	23	22
Тройственный союзъ	*3214*	*3612*	*22*	*20*

Чистый расходный бюджетъ одной только Германіи, какъ видимъ, приближается по размѣрамъ къ такому же бюджету двойственнаго союза. Абсолютная же сумма австро-германскаго военнаго бюджета значительно меньше союзнаго. Въ результатѣ — намъ пришлось удѣлять національной оборонѣ цѣлую треть государственнаго бюджета, тогда какъ наши враги довольствуются одной пятой. Напряженіе союзниковъ, какъ видимъ, гораздо сильнѣе. Но быть можетъ, еще интереснѣе взглянуть на тягости милитаризма съ другой

стороны. Приводимъ вычисленія „Revue de la paix“ о военныхъ расходахъ, приходящихся на душу населенія:

Во Франціи	25,5	фр.
„ Англіи	24,2	„
„ Германіи	16,5	„
„ Италіи	15,0	„
„ Россіи	8,0	„

Комментаріи, пожалуй, не нужны. Надо только въ двухъ словахъ коснуться Англіи, о которой не упоминалось въ предыдущихъ таблицахъ.

Мы нерѣдко слышимъ утвержденіе, будто Англія „упорно боролась противъ введенія всеобщей воинской повинности“. Утвержденіе это или совершенно непонятно (съ кѣмъ же боролась?) или крайне не точно. Та Англія, о которой все время шла рѣчь выше, все время боролась *за* введеніе всеобщей повинности; но она не могла справиться съ другой Англіей—демократической, которая во всѣхъ нашихъ разсужденіяхъ въ расчетъ, конечно, не принималась. И вотъ, благодаря островному положенію, а также и нежеланію участвовать въ вооруженной борьбѣ на континентѣ, Англія дожила со своей добровольно-наемной арміей до современныхъ событій. Но она никакъ не съ меньшей энергіей, чѣмъ другія державы, отдавалась дѣлу національной обороны — тѣми способами, какіе были ей доступны и казались ей раціональными.

Мало того: милитаризація англійскаго бюджета въ послѣдніе годы оставила за собой всѣ прочія страны со всеобщей воинской повинностью. Въ 1897—98 гг. военные расходы въ Англіи составляли 39%, а въ 1909—10 гг. — уже 42,4% всѣхъ расходовъ, несмотря на параллельный ростъ самого государственнаго бюджета. Въ 1901 году, когда Франція расходовала на армію и флотъ 383 милл. руб., Германія—454, Россія—452,— Англія расходовала 499 милл. руб., а черезъ десять

лѣтъ—уже 684 милл. руб. Желая подчеркнуть непрестанныя заботы англійскаго правительства объ увеличеніи военной мощи страны, Ллойдъ Джорджъ отмѣтилъ въ парламентѣ, ровно за годъ до войны, „поразительный фактъ, что въ 1913 году Англія затратила на свой военный флотъ больше, чѣмъ расходовали на свои эскадры въ 1886 году всѣ державы, вмѣстѣ взятыя, включая въ ихъ число и саму Англію".

Подробнѣе остановиться на всемъ этомъ мы не можемъ. Но и сказаннаго совершенно достаточно, чтобы опровергнуть обычныя обвиненія, будто бы война застала нашихъ союзниковъ врасплохъ и будто бы Англія и Франція сдѣлали „для войны" слишкомъ мало. Правда, главная тяжесть катастрофы легла на нашу родину. Будучи главной заинтересованной стороной, союзники несутъ ей несравненно меньше жертвъ, чѣмъ Россія, судьбу которой они связали со своей и для которой настоящая война не можетъ сулить никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Но все же глубоко ошибся бы тотъ, кто, исходя изъ фантастическихъ представленій объ европейскихъ вооруженныхъ силахъ, сталъ бы опровергать выше изложенное толкованіе происхожденія современной войны.

Оглавленіе.

I. Русская публицистика о происхожденіи войны 1
II. Интересы Россіи въ міровой войнѣ 25
III. Россія и ея союзники 67

47. В. Силинъ, Внѣшкольное образованіе въ Германіи . . 8 к.
48. И. Бѣлоконскій, За что и почему? — Фейга . . . . 8 к.
49. Двѣнадцатый годъ. По разсказамъ современниковъ . . . . . 8 к.
50. Л. Толстой, Хозяинъ и работникъ. . . . . 8 к.
51. М. Моравскій, Въ иностранномъ легіонѣ . . . . . 8 к.
52. Ф. Шиллеръ, Избранныя баллады. Въ переводѣ В. А. Жуковскаго . . . . . 8 к.
53. В. Мякотинъ, На зарѣ русской общественности . . . 10 к.
54. Л. Андреевъ, Петька на дачѣ — Валя — Баргамотъ и Гараська. . . . . 6 к.
55. К. Баранцевичъ, Посконная жизнь . . . . . 8 к.
56. В. Якушкинъ, Сперанскій и Аракчеевъ . . . . . 8 к.
57. Діонео, Безъ работы . . . . . 6 к.
58. Е. Звягинцевъ, Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XIX вѣка . . . . . 8 к.
59. Ѳ. Сологубъ, Политическія сказочки . . . . . 6 к.
60. Л. Толстой, Народныя легенды . . . . . 8 к.
61. К. Петровъ, Ирландія . . . . . 8 к.
62. А. Чеховъ, Мужики . . . . . 6 к.
63. Изъ нѣмецкихъ поэтовъ. Переводы В. А. Жуковскаго, М. Ю. Лермонтова, гр. А. К. Толстого . . . . . 8 к.
64. П. Р—ъ, Изъ дневника человѣка безъ паспорта . . . 8 к.
65. В. Короленко, Морозъ — Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ. . . . . 6 к.
66. Ф. Артемьевъ, Страхованіе рабочихъ въ Германіи . . 6 к.
67. А. Зиновьевъ, Изъ исторіи развитія русскаго государства . . . . . 3 к.
68. С. Аникинъ, Шпикъ. — А. Гринъ, Ночь. . . . . 8 к.
69. С. Сватиковъ, Конституціонное движеніе при Александрѣ II . . . . . 12 к.
70. Н. Некрасовъ, Избранныя стихотворенія . . . . . 10 к.
71. В. Ключевскій, Добрые люди древней Руси . . . . 3 к.
72. Н. Лѣсковъ, Лѣвша . . . . . 6 к.
73. Н. Сухановъ, Происхожденіе міровой войны . . . . 12 к.

Печатаются:

74. В. Калининъ, Балканская Голгоѳа.
75. А. Чеховъ, Человѣкъ въ футлярѣ — Новая дача — Тоска — Ванька — Спать хочется.
76. К. Петровъ, Война и культура.

50к.

Тип. „Родная Рѣчь“ МОСКВА, Криво-Арбатскій пер., 3.